

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ
АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

АЛЮМЕН

Книга третья
**МЕХАНИЗМ
ЖИЗНИ**

ЗЕМНАЯ ОПЕРА

Алюмен

Генри Олди
Механизм Жизни

«Автор»

«Автор»

2009

Олди Г. Л.

Механизм Жизни / Г. Л. Олди — «Автор», «Автор»,
2009 — (Алюмен)

Это было время Фарадея, Ома, Эрстеда и Вольты – мужей науки, еще не ставших единицами измерения. Это было время Калиостро, Сен-Жермена, Юнга-Молчаливого и Элифаса Леви – магов и шарлатанов, прославленных и неизвестных. Ракеты Конгрева падали на Лондон, Европа помнила железную руку Наполеона, прятался в тени запрещенный орден иллюминатов; в Китае назревала Опиумная война. В далеком будущем тихо булькал лабиринт-лаборатория, решая судьбу человечества: от троглодитов до метаморфов. И крутились шестеренки Механизма Времени – двойной спирали веков. Мистика против науки – кто кого? Новый роман Г. Л. Олди и Андрея Валентинова – великолепный образец авантюрной традиции, густо замешенной на оригинальных идеях. Все книги, написанные в этом соавторстве, давно стали золотым фондом фантастики, и «Алюмен», пожалуй, не станет исключением.

© Олди Г. Л., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Увертюра[1]	5
1. Allegro	5
2. Adagio	9
3. Allegretto	12
Акт I	15
Сцена первая	15
1	15
2	18
3	19
4	21
Сцена вторая	24
1	24
2	25
3	26
4	29
Сцена третья	33
1	33
2	36
Сцена четвертая	41
1	41
2	42
3	45
Сцена пятая	48
1	48
2	50
3	53
Сцена шестая	56
1	56
2	57
3	59
4	61
Сцена седьмая	63
1	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Валентинов, Генри Лайон Олди

Механизм жизни

С благодарностью посвящается Виктору Гюго, Александру Дюма, Жюлью Верну, Роберту Льюису Стивенсону, Чарльзу Диккенсу – титанам, на чьих плечах мы стояли...

Увертюра¹

*Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!
Мой ум измучен и поник
На берегах спокойных книг,
В слепящем, словно солнце, мраке;
И предо мной во мгле теней
Клубком переплетенных змей
Взвиваются хмельные знаки.
Эмиль Верхарн*

1. Allegro

Едет улан, едет...

Князь Волмонтович достал свои пистолеты.

Тяжелый ларь, выточенный из темного палисандра, со стуком опустился на столешницу. Еще два, попроще, из светлой груши, уже стояли на месте – слева и справа, как почетная свита. Стол крикнул, дрогнул всеми четырьмя ножками. Господа постояльцы – они с выдумкой чуют. Три ларя, набитые железом? – предыдущий гость мамзелей с Невского приводил, танцы на скатертях устраивал...

Ничего, выдержали-с.

«Терпи, москаль! – пригрозил Волмонтович в ответ на столовую жалобу. – Не нравится? Слона из зверинца приведу, краковяк на тебе выкаблучивать!»

Стол, как и вся мебель в комнате, вызывал у князя глухое раздражение. Ему здесь не нравилось – ни квартира, ни «гостиный дом» Технологического института, где довелось остановиться, ни столичный град Санкт-Петербург. Век бы сюда не ездить, сырым туманом не дышать!

Х-холера ясна!

Пистолеты успокаивали, настраивая на философский лад. Хотя что-то доброе есть в этом мире! Здесь вы, друзья верные, со мною. Все бросят, все покинут, одни вы не предадите – до гроба. Вместе живем, вместе помирать будем.

Не страшно, не впервой!

Оружие Казимир любил с детства. Что еще, пшепрашем, должно интересоваться зацного шляхтича герба Божаволи – в голубом поле серебряная передком вверх подкова? Стекланные шарики? Куклы в цветных платицах? Отцовская сабля стала первым, до чего дотянулись детские пальцы. Матушка сердилась, батюшка же, уланский поручник, улыбался в густые усы: «Держи крепче, сынок. Привыкай, в жизни сгодится! Ой, сгодится!»

¹ Увертюра (от франц. *ouverture*, вступление) – инструментальное вступление к драматической композиции (опере или оперетте), обычно в трех частях. Увертюры писались для того, чтобы дать опоздавшей публике время занять место в зале.

Сгодилося, отец. Ой, как сгодилося!

Пистолеты князь возил с собой, по морям да разбитым дорогам. А как иначе, если ни кола, ни двора? Дом на двух ногах, на стертых подметках... Андерс Эрстед, добрая душа, не возражал, но глядел не без иронии. Сумасброд ты, друг Казимир! Ладно бы редкости скупал – в золоте и камнях, цены невиданной. К таким и впрямь можно сердцем прикипеть. Знавал Волмонтович любителей – все ковры зброей обвешаны, словно арсенал в Потсдаме. А толку, ежели вдуматься, чуть. Не оружие – гробы вапленные.

Волмонтович искал то, что поновее, позаковыристее. Вот, скажем... Не удержался, открыл-таки грушевую крышку. Затем крышку иную, мореного дуба – под первым ларцом второй спрятан. Незачем чужим взглядам по казенной коробке с надписью «Тула» скользить.

...Стволы – с узором, «букетный дамаск». На верхних гранях – жучки-буковки: «Иван Полин». Полин – без малого Пулин. Славная фамилия, к ремеслу – в самый раз. Пистолеты и легче, и меньше обычных, и шесть пулек в каждом, как в новомодном преферансе.

Если заранее не знать – не догадаешься.

Опустились на место крышки. Вдохнул князь: не насмотрелся. Вчера куплено, утром пристреляно. Нарочно на Стрельну ездил. Смеялся: стрелять на Стрельне – хорошая примета.

– Уланы, уланы,
Малеванны дети,
Не одна панёнка
Попадет к вам в сети...

Про чудо-пистолеты Волмонтович услышал на войне. Однополчанин поведал, ротмистр Джигунский. В Туле, куда ротмистра занесло по пути из тобольской ссылки, увидел он диво – пистолеты с магазинной коробкой на шесть пуль. Ловко коробка встроена – в рукоять. Придумал это пан Полин; давным-давно, при царице Катарине, чтоб ей в пекле сгореть. Для войска не годится – сложно, дорого.

Для знатоков же, людей рискованных...

Когда друг Эрстед сообщил, куда на этот раз ехать придется, Волмонтович сперва лишь плечами пожал. Петербург? – да хоть Иркутск, какая к швабу разница? Но на душе кисло стало. Или он москалей не встречал? Встретился бы еще – не на Невском проспекте, гуляя с датским паспортом в кармане, а в чистом поле, в конном строю, с пикой на изготовку. Увы, Эрстед ехал в Россию по сугубо мирным делам. Петербургский практический технологический институт собирал гостей на великий праздник – открытие филиала Общества по распространению естествознания.

По всей Европе филиалы работают. Теперь и в России будет.

Звали на открытие Эрстеда-старшего, почетного члена Петербургской академии наук с 1830 года. Но тот отговорился, младшего брата вместо себя направил. Князь сию осторожность вполне одобрил. Пан академик серьезными вещами занимается, державными. Такого за кордон отпустить боязно.

Мало ли кому тайны алюминия спать не дают?

– Бабка умирала
И шептала: «Боже!
Будут ли уланы
На том свете тоже?»

Адрес, где можно сторговать чудо-пистолеты, Волмонтович узнал в Англии. Чарльз Ширк, лондонский знакомец, помог. Великим оказался докой по части стрельбы! И сам масте-

рил – скрещивал, как в племенном питомнике, барабанное ружье американца Коллиера с изделием француза Мариетта.

Что с того выйдет, точно не знал, но обещал фурор.

Вот диво! Адрес подсказал англичанин, продал же тульских красавцев немец-вестфалец – в маленькой лавке на Васильевском острове. До печенок проверил клиента: долго беседовали, с намеками, пришлось даже письмо Ширка показать. Работу Полина за так не купишь – каждый ствол на учете.

– Едет улан, едет,
Зброей ясной светит,
С каждой девкой ласков,
Каждую приветит...

Большой ларь Волмонтович открывать не стал. Там все известно. Пятиствольник Ленормана, жуткое чудище о семи стволах работы мсье Девизма, капсюльный скорострел «Мариетт». Это еще что! Ширк рассказывал, будто Самуэль Кольт, моряк из Североамериканских Штатов, обещает в скором времени создать «идеальное оружие». Пока дальше деревянной модели не продвинулся, но лиха беда начало.

«Идеал» – это как? Не иначе с бесконечными пулями, воздухом вместо пороха и запалом от утреннего перегара. Дохнул – ба-бах!

– Любят нас невесты,
Мужние и вдовы,
За улана ласку
Жизнь отдать готовы...

Добавить к арсеналу капсюльную трость-трехстволку да барабанщики-пятизарядники работы того же Полина – хватит гайдуцкую чету вооружить! Есть и третий ларец – длинный, вроде футляра под флейту... Стоп, одернул себя князь. Открывать не станем. И так сглупил – показал «флейту» друзьям. Эрстед тут же попросил ларец в подарок: для музея в Эльсиноре. Посетителям – радость, заведению – доход, а носильщикам – облегчение. Меньше тяжестей придется грузить при очередном переезде.

В самом деле, зачем современному человеку кусок ржавчины с гнилью?

Торбен Йене Торвен вначале тоже музей помянул. Затем присмотрелся, взглянул на князя исподлобья, губу закусил. Плохо глядел отставной лейтенант. Знать не мог, но, видать, почувал что-то. Эх, Торвен, оловянный солдатик в шинели не по росту...

«Это военное преступление! Вы... Вы ответите!..»

Плохое знакомство у них вышло. Двадцать лет минуло, а не забывается. Лейпциг, осень надежд, октябрь 1813-го. «А я бы его все-таки убил. Голыми руками убил бы, гере полковник. Жаль, вы не позволили». Донесло ветром, услышал чужие слова надпоручник Волмонтович по прозвищу «Кат». Понял с лету, хоть и по-датски сказано.

– Но сильнее всех любит
И зовет жениться
В саване шелковом
Вражья Молодица...

Неправда, что оружие говорит лишь с людского позволения. Старое железо, как старый человек, – любит поболтать. В музей «флейту»! А лучше – в речку, хоть в серую Неву, хоть в желтую Хуанхе. Зачем таскаю? Эрстеду соврал: наследство от прадеда. То есть не соврал даже. Встало в памяти, как живое...

2. Adagio

Флейта мертвого лога

– Каждого улана
Встретит и приветит
И веселой свадьбой
Встречу ту отметит...

Казимир Черные Очи допел куплет, подкрутил левый ус. Знай наших! Бочку хмельного меда, считай, уже выиграл. Бились хлопцы об заклад, что атаман ночью в Тотенталеш не сунется. Храбр, мол, да умен. Кто к бесам-упырям на съедение собственными ногами пойдёт? Возражать князь не стал, но взял на заметку: как из долины вернусь, бочку стребую. Из принципа.

Нечего в атамане сомневаться!

Сверкнуло лунное серебро в черных окулярах. Шевельнулся на небе Царь-Месяц, сдвинул брови. Не одобрил хвастовства. Волмонтович даже устыдился на миг, но быстро пришел в себя. Молчи, месяц! Случись что, не тебе ответ держать.

Расхлебаю, пся крев!

Вторую неделю он искал гайдуцкий клад. Бродил лесами и горными склонами. Мирча Вештаци, старый разбойник, за двадцать лет до Наполеона спрятал богатства своей ватаги в дубовый сундук, зарыл невесть где, а сам голову под гусарскими саблями сложил. Про заветное добро в Семиградье все знали. Искали, но без лишнего усердия. Скверную славу оставил разбойник, одно прозвище чего стоит.

«Вештаци» – колдун; и не простой, а мертвячий.

Хоть и сгинул Мирча без прощального слова, но все-таки, поговаривали, есть след: воткнул он в свежую землю ятаган с золотой рукоятью. Примета верная – железо ржавым прахом пойдет, золото останется. Гора, где чета стояла, не Монблан. За двадцать лет каждую травинку ощупать можно.

Так и делали – раздвигали кусты и траву любопытными носами.

Расспросил Волмонтович тех, кто постарше, на самодельной карте пометки нарисовал, а после весьма удивился. Всё братья-гайдуки осмотрели, а в Тотенталеш не стали заглядывать. Toten Tal – Мертвый Лог. Там и днем страх до печенок пробирает, а ночью сунешься – костей не соберешь.

Как после такого не пойти?

– Гу-у-у!..

Поправил Казимир Черные Очи свои окуляры; подумал и снял. Месяц – не ясное солнце, глаза не мучит. Лес руки-ветки тянет, под ногами ямы, как старые могилы, а из чащи филин здороваются. Ну, будем искать?

– Гу-у-у-у! – согласился филин.

– Сам ты «гу-у-у», бездельник! – огрызнулся князь.

Пани Ночь все переменяла. Днем князь даже прикинуть успел, откуда поиск начинать. Зато сейчас... Месяц-череп в небесах, порушенная земля под ногами. Что тут искать, кроме смерти?

– Гу-у-у-у!

– Х-холера!

– Noapte buna, хлопче! Зачем пожаловал?

Зря ты сетовал, князь, что Мирча Вештаци подзабыл ночную службу. Хотел дорогу спросить? – вот, накликал. Встал мертвяк перед атаманом, костяной рукой махнул. Волосом сед, рожей – синюшен. На плечах – гнилые лохмотья. Желтые ногти кожу сапог прорвали.

– На ужин пришел? Так чего ж один? Мало тебя для меня, голодного...

Ощерились кривые зубы. Ухватили воздух пальцы.

– Гу-у-у... – филин поразмыслил и умолк.

– Неплохо, пан колдун, – оценил Волмонтович. – В самый раз для ярмарки во Вроцлаве. А в Краков, или там в Варшаву не пустят. Грязен ты, дзяд, не эстетичен. Саван надень, что ли? Только выстирай загодя и клыки мелом почисти.

Присмотрелся – как есть правда.

Не пустит колдуна в Краков санитарный инспектор.

– Сейчас, пан Мирча, упыри во фраках ходят, с манишками. В туфлях лаковых. Иначе тебя красotka к шейке белой – ни за какие коврижки...

Химерный колдун оказался смышлен не по чину: отступил на шаг, голову склонил, прищурился. Дивны дела твои, Создатель! В Мертвом Логу упырь на упыря пялится.

– Ах, вот отчего ты так боек, – шевельнул белыми губами Мирча Вештаци. – Кровь вытри, морда неумытая. А после уж попрекай, сопляк!

Взмахнул ладонью Волмонтович, коснулся щеки. Х-холера! Умывался же, песком речным лицо тер. Удачно вечером вышло – у входа в долину бродягу-цыгана встретил. Бежал тот от жандармов, от тюрьмы, наткнулся на погибель. Удивлялся еще, отчего гайдук, не пожелав удачи, принялся с плеч рубаху стягивать.

– Сопляк ты, – со вкусом повторил Мирча. – Не будь я сегодня в добром гуморе... Зачем тебе мой клад? Дурное золото, порченное. Мое слово разве что святой отчитать сможет, да нет святых в наших краях...

Ругаться не хотелось. В своем праве нежить.

– Не нужно мне твое золото, Мирча-разбойник. Не из жадности пришел, от скуки. От такой скуки, что смерти хуже. Хочешь – гони, хочешь – выслушай.

Сели упыри на сырую траву, вынули из-за кушаков люльки. Достал князь огниво. Чиркнул – раз, другой. Красный огонек высветил мертвые лица. Спрятался Царь-Месяц, сгинула во тьме Полярная звезда. И огонек пропал – испугался того, что миру явил.

Анатолийский табак, конфискованный у турков-купцов, пах серой.

– Кличут меня ваши Казимиром Черные Очи. Почитают за арам-баши, три четы подомной ходят. Родом я из земель литовских, что прежде в Речь Посполитую входили...

Укрыли тучи долину. Сгинул Тотенталеш. Замолчал филин, уступив место холодному ветру. Тот ухатать не умел, зато свистеть был горазд. Курится трубка за трубкой. Тянется к небу серый дым.

– Не пугал бы я тебя, Казимир. Не из пугливых ты. Только плохи твои дела, парень. Совсем никакие. Пропадешь скоро. Хлопцев погубишь – и сам сгинеешь. Худо быть мертвяком, упырем – хуже. А ты не мертвяк, не упырь и не человек живой. Один лишь Maestru Necurat, не здесь будь помянут, ведает, какая беда с тобой стряслась. Поклонись ему, а? Глядишь, ответ даст.

– А под хвостом ему поцеловать не надо? Не верю я твоему Хозяину, Мирча. Никому не верю. Разве что одному датскому полковнику, но он сейчас в Америке угрей ловит. Думаю, не поспеет к сроку. Только это я и без твоей мудрости знаю...

Сквозь тьму – красные точки-угольки.

– Мало ты знаешь, Казимир-сопляк. Ни жить, ни помирать не выучился. Думаешь, я тут клад стерегу? На что он мне, мертвому? Висит, как жернов на шее, упокоиться не дает. Вот и хожу, чтобы отдать его первому встречному дурню. Объяснить по-честному и отдать. Дюжину встретил – все отказались. Думали, отпущу с миром – в жизнь, на свет ясный... Таков он, мой

клад: возьмешь, не возьмешь – все едино пропадать. А тебе скажу: бери. Хуже не будет, а твоим парням долгой жизни не обещано. Пусть напоследок порадуются, в кабаках столы червонцами украсят. Здесь он, клад, за кустами. Бери! И будет тебе подарок особый...

Костлявая рука потянулась к кушаку, достала что-то длинное, темное.

– Не ты первый, Казимир, в такой беде мучишься. Оставил мне прадед эту пистолю – на крайний случай. На три сердца она заклета: кровью, правдой, обидой. Все в ней – и жизнь твоя, и смерть. Понял ли?

– Нет, – честно ответил Волмонтович.

И – только зря голос потратил. Никого рядом с ним, лишь дым над травой. Потянулись пальцы ко лбу – крестное знамение сотворить...

– Гу-у-у! – встревожился филин, и князь вовремя остановил руку.

Из скверной стали ковали Мирчин ятаган. Клинок проржавел насквозь, осыпался кусками в траву. Золото не подвело – осмелев, месяц прянул из-за тучи, высветил тусклую рукоять. Возле злата, для пущей верности, две мертвые головы – смотрят пустые глазницы в ночную тьму. На одной рыжие волосы уцелели, от другой – две половинки остались, как от ореха.

Поглядел Казимир Черные Очи на черепа. Помянул колдуна-мертвяка теплым словом. А там и подумал: головы-то две!

Моя, выходит, третьей будет?

3. Allegretto

Банкет с фейерверком

Не соврал Мирча Вештаци. И клад нашелся, и кровь пролилась. Передрались гайдуки за сундук с червонцами, прибавили к двум черепам груду новых. А как трупы землей засыпали и принялись добро делить, Волмонтович, всех удивив, взял себе не золото, а то, что поверх него лежало, – старинную пистолю, ржавую да грязную. Завернул в тряпку, сунул в походный мешок.

Спасибо за подарок, брат-упырь!

Только через полгода, в далеком северном Копенгагене, нашел он время для пистолы. Отчистил ржавчину, грязь отмыл, маслом ружейным смазал. Глянул и присвистнул. Тройной колесцовый замок, ореховое ложе, слоновая кость, гравировка... Откуда такое у гайдуцкого прадеда? С чьего трупа снято? Ученые мужи из музея в Амалиенборге подсказали – Италия, город Брешия, работа мастера Рафаэля Уголино. И год разобрали: 1572-й, Варфоломеевская ночь.

Спустя несколько лет князь прочел в книжке про гайдуков, что знали они «заклятие последнего боя», страшней и гибельней которого на свете нет. И про Мирчу Вештаци, кровавого душегуба, прочел. Была у атамана пистолы итальянской работы – если не брешут, на три сердца заклтая. Не расставался с нею Мирча, но так ни разу и не выстрелил.

Волмонтович погладил холодное дерево ларца. Молчишь, чудесная «флейта»? Молчи и дальше, старая смерть!

Стол заскрипел с облегчением. Тяжелые лари один за другим отправлялись туда, где им и место, – на пол, в дальний угол. Пистолет князь так и не выбрал. Зачем? Не в суданских мы джунглях, не в лесах разбойничьей Корсики. Здесь – град Санкт-Петербург, центр просвещения и изящных искусств. Хоть гаубицу-«единорог» за собой вози по Невскому проспекту – не поможет.

– Уланы, уланы,
Малеванны дети,
Не одна панёнка
Попадет к вам в сети...

Князь поправил галстук, скользнул взглядом по зеркалу в ореховой раме. Отражаемся? Славно! Еще Польша не сгинела!

И помрачнел князь, как туча над Мертвым Логом.

О падении Варшавы он узнал посреди Индийского океана. «Сюзанна», шхуна Ост-Индской компании, на которой они плыли из Китая, повстречалась с «систер-шипом» – «Арабеллой», шедшей встречным курсом. Торговля – дело серьезное, время – деньги. «Сестрички», поприветствовав друг друга затейливой комбинацией сигнальных флажков, сблизилась всего на пару минут.

На чисто вымытые доски палубы с тяжелым стуком упала пачка лондонских газет. За год подшивка, не меньше. Взял князь Волмонтович наугад, развернул одну – старенькую, пожелтевшую. И схватился бы за сердце, когда б могло оно еще болеть, сердце-то. Нечему в груди закрывать, все выгорело, онемело, стальной коркой обросло.

Лишь стон из-под брони: Варшава!

...Шестого сентября 1831 года царские войска штурмом взяли западный пригород Варшавы – Волю. Потеряв всякую надежду, правительство повстанцев отказалось вооружить народ

и поспешило сдать столицу. В ночь с седьмого на восьмое сентября была подписана капитуляция. А наутро гривастые казачьи кони уже били копытами по булыжнику варшавских мостовых.

Finis Poloniae!

Сказал бы: «*La commedia è finita!*» – да не до смеха.

В успех восстания князь не верил с самого первого дня. Как только узнал о «ребеллии»,² понял: тонуть мятежу в крови. Шляхта, ничего не забыв и ничему не научившись, начала не с призыва к совместной борьбе всех народов России против николаевского деспотизма, не с аграрной реформы, а с требования «исконных» восточных воеводств – и с бессмысленной резни безоружных «москалей» в охваченной бунтом Варшаве. «*Przeklęty idioci!*» – буркнул Волмонтович и перестал читать редкие газеты, попадавшие в Китай из Европы. Что толку? Между ним и Отчизной – полсвета. Не долетишь, не доскачешь, не докричишься.

Что сделать? Напиться в хлам?

Бывший надпоручник 8-го полка Доминика Радзивилла сделал все, что мог. В Париже, улучив свободную минутку, он отправился в отель Ламбер на острове Сен-Луи. Особняк в действительности не был отелем. Дом на днях купила княгиня Чарторыйская, супруга Адама Ежи Чарторыйского, человека с бурным прошлым и смутным настоящим. Министр иностранных дел при Александре I, затем – ссыльный, лидер восставших поляков, Председатель Национального правительства, сейчас беглый князь Адам числился главой Повстанческо-Монархического союза.

Отель Ламбер он превратил в крепость, откуда грозил России. Парижский особняк – против Царского Села. Польский король де-факто, князь Адам пытался продолжить борьбу в эмиграции.

К Чарторыйскому сперва прорваться не удалось. У отеля прогуливались три соотечественника – грозные усачи, готовые разорвать в клочья любого, кто сунется без приглашения. К счастью, меж усачами Волмонтович встретил давнего, еще с войны, знакомого – племянника князя Адама. Тот рискнул – свел гостя с дядей. Разговор вышел долгим и бесполезным. При расставании князь сказал князю:

– К вашим услугам!

Это не было пустой фигурой речи.

Второй раз приехав в Париж в связи с угрозой инженеру Карно, Волмонтович опять пошел в отель Ламбер. Он еще не знал, что в скором времени придется удирать в Ниццу кружным путем. Он знал другое – до конца года ему, скорее всего, предстоит побывать в Санкт-Петербурге. На днях Андерс Эрстед «порадовал» друга Казимира известием о том, что осенью, в крайнем случае зимой им светит поездка в российскую столицу, на открытие филиала Общества.

Датский паспорт князя оказался очень кстати.

Казимир Волмонтович, волей случая – тайный эмиссар короля де-факто Чарторыйского, не строил особых иллюзий. В Петербурге, несмотря на прохладное отношение чиновников и горячую любовь III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, проживало много поляков. Кое-кто даже не забыл о долге перед Родиной. Но что могут сделать несколько десятков (пусть даже сотен!) горячих голов? Поджечь Зимний дворец? Пустить горящий брандер в кронштадтскую гавань? Неплохо бы, конечно.

Что дальше?

Мучила совесть. Про отель Ламбер он не сказал Эрстеду ни слова. И про риск, взятый на себя, а значит, распространявшийся на них двоих, – тоже. Это случилось впервые за годы их знакомства. Дружба против чести, любовь к несчастной родине – против любви к человеку,

² Бунт против державной власти.

которому ты обязан большим, нежели просто жизнью. Тайна грызла Волмонтовича так, как не грыз голод в бытность князя Паном Гладом.

* * *

Прогуливаясь между двумя мостами – Конюшенным и Полицейским, – князь посматривал по сторонам. Название второго моста прямо-таки вопияло об осторожности. Волмонтович знал, как следят за иностранцами в русской столице. Злой и остроумный француз Курбе, мастер карикатуры, нарисовал беднягу-иностранца в окружении толпы шпионов, роющихся в его багаже и даже в постельном белье. Датский паспорт позволял без помех въехать в Северную Пальмиру, но не избавлял от надзора. И пусть в это утро набережная Мойки была пуста, князь спиной чувствовал чье-то пристальное внимание. Не удержался, свернул за угол, в переулок, украдкой выглянул...

Никого.

Х-холера!

Дальше шел, не оглядываясь. Будь что будет! На людном Невском стало легче, тем более он уже пришел. Вот и костел Святой Екатерины. Высокая арка, коринфские колонны, изящные скульптуры над фасадом... Сюда собирались на службы католики Петербурга. Самый последний шпион, самый бдительный жандарм снимет шляпу и прикусит язык. «Пан по́ляк» в своем праве. Молиться в Божьем Доме никто не запретит, даже его величество император!

Волмонтович шагнул на каменные ступени.

Письмо от Чарторыйского он отдал причетнику в первый же день по приезду. К посланию от «короля де-факто» князь присовокупил несколько слов от себя. Неведомые друзья в Петербурге могут рассчитывать на бывшего надпоручника. Даже если придется поджигать Зимний.

Сегодня князь должен был получить ответ.

– ...Зимний пока жечь не станем. С пожарами вообще погодим. Матка Боска, это же варварство, в Эрмитаже – тысячи картин! Леонардо, Рафаэль, Рубенс... Когда наши жолнежи войдут в Петербург, будет что подарить варшавским музеям. Но если вы согласны помочь... Рискну пригласить вас к одному верному человеку. Академик Александр Орловский, художник. Не слышали? Воевал у самого Костюшко, герой, боец из железа! У нас намечается приватный bankiet с фейерверком. Такой ветеран, как вы, пан Волмонтович, имеет полное право поучаствовать. Согласны?

– Давайте адрес.

Акт I

Фокусы Антона Гамулецкого

Бартоло. Век варварства!

Розина. Вечно вы браните наш бедный век.

Бартоло. Прошу простить мою дерзость, но что он дал нам такого, за что мы могли бы его восхвалять? Всякого рода глупости: вольномыслие, всемирное тяготение, электричество, веротерпимость, оспопрививание, хину, энциклопедию и мещанские драмы...

Бомарше, «Севильский цирюльник»

Вся земля наша мала и ничтожна, и мы должны искать средств к жизни в иных мирах; земля же, этот прах предков наших, должна быть возвращена тем, кому принадлежала.

Николай Федоров

Сцена первая

Все пути ведут в Петербург

1

– Семь! – объявил Шевалье.

– Равны, – с удовлетворением кивнул игрок, лысый как колено.

Оба углубились в подсчеты.

– Шестьдесят пять по масти.

– Столько же.

Над столами плавали волны табачного дыма – слои призрачной паутины. Шелест карт, шуршание ассигнаций... Огюсту казалось: он угодил в паучье логово, и его умело «пеленают», готовясь к трапезе.

– Квинт на шести.

Выдержав паузу, он не дождался ответа и заявил следующую комбинацию:

– Кварт-мажор.

– Прошу предъявить.

– Пожалуйста, – Огюст воспрял духом. – Три на валетах.

– Четырнадцать на десятках.

Проклятье! Он собирался объявить «пик», подняв свои очки сразу до шестидесяти. Но перебитый «хвалёж» лишил его этой возможности.

– Прошу предъявить.

Соперник молча выложил на стол четыре десятки.

– Принято. У вас на словах все? У меня тоже.

– Ваш выход.

Шевалье вздохнул и зашел с туза.

Письмо от Бригиды он получил вчера. Плотный конверт без обратного адреса, внутри – листок дорогой бумаги с зеленоватым оттенком. Золоченый вензель в правом верхнем углу. Легкий аромат духов.

Дорогой Огюст!

Обстоятельства заставляют меня покинуть Париж и без промедления отправиться в Санкт-Петербург. Одна мысль об этом путешествии приводит меня в отчаяние. Россия – не та страна, где я хотела бы встретить зиму. Я предпочла бы Ниццу; возможность вновь увидеть тебя... Но – увы. Есть обязательства, которые вынуждают нас поступать вопреки нашим желаниям.

Я не знаю, сколько времени мне придется пробыть в России. Боюсь, мы можем больше не встретиться. Хотя это и к лучшему для нас обоих. Поначалу я опасалась, что наши встречи закончатся печально для тебя. И все еще опасаясь – но, кажется, ты сумел отыскать «противоядие», чему я очень рада. Не знаю, как тебе это удалось. Теперь я сама ощущаю то, что, наверное, чувствовали близкие мне люди. Меня тянет к тебе, я грежу о встрече. В первые дни после нашего расставания случались минуты, когда я готова была бросить все и мчаться к тебе. Потом стало легче. Надеюсь, со временем ты отпустишь меня окончательно. Я справлюсь с этим, Огюст. Я сильнее, чем думает кое-кто.

Вот еще одна причина, по которой нам не стоит видеться.

Не ищи меня. Прощай.

Любящая тебя Бригида.

Стоит ли говорить, что первым же порывом молодого человека было немедленно мчаться в Санкт-Петербург, отыскать баронессу – и больше никогда с ней не расставаться?! Туманные намеки на зловещие «обстоятельства» лишь распалили в сердце пожар. Ей угрожают! Она бежит из Франции за тридевять земель, в снега варварской России. Одна, в страхе, преследуемая врагами; боясь навлечь опасность на возлюбленного...

Как должен поступить в этом случае настоящий мужчина?

Выехать из Ниццы в тот же день Огюсту помешал сущий пустяк: средств, оставшихся у него, на поездку не хватало. Не идти же в Петербург пешком? Дорога через всю Европу, поиски Бригиды в чужом городе, где кусок хлеба, говорят, стоит дороже, чем в Париже – эклер с шоколадным кремом...

Самый простой и очевидный выход – взять в долг у Эрстеда – Шевалье с сожалением отверг. Полковник не откажет, но Огюст и так многим обязан датчанину. Как он сумеет отдать долг, молодой человек представлял слабо, а посему поставил на данном варианте жирный крест. В буквальном смысле – крест-накрест зачеркнув первый пункт составленного им списка. Заголовок сочился бодрой безнадежностью: «Как быстро раздобыть денег?»

Итак.

1. Одолжить у Эрстеда (зачеркнуто).
2. Одолжить у князя Волмонтовича (зачеркнуто).
3. Обратиться к... (недописано; зачеркнуто).
4. Прибегнуть к ясновиденью.

Над четвертым пунктом Огюст долго размышлял, в итоге решив начать с него. Тут он по крайней мере ничего не теряет. Не сработает – в любой момент переходим к следующей идее.

5. Выиграть в карты.

В Париже они с приятелями-студентами, бывало, до утра сражались в мушку, пикет или новомодный безик. Обычно Шевалье везло. Пару раз он даже захаживал в игорные дома: сперва проигрался, но не слишком, потом сорвал куш, учинив на радостях грандиозную попойку. Короче, способ как способ.

Ибо финальные пункты выглядели откровенной авантюрой.

6. Найти клад.
7. Ограбление почтовой кареты.

Огюсту не терпелось ринуться на поиски богатства, но время близилось к ужину. А Волмонтович еще с утра объявил, что ужинают они у какого-то Вахтанга-кацо. За столом Шевалье сидел как на иголках. На вопросы отвечал невпопад, и вскоре от него отстали. Вино с непронизносимым названием «Усахелоури», терпкое и густое, вязало рот. Лепешки с острым сыром и зеленью не впечатлили. Однако едва седой, похожий на орла Вахтанг-кацо водрузил на стол блюдо с кусками баранины, жаренной на углях...

Со стороны могло показаться, что молодой человек решил наесться заранее на всю будущую дорогу в Санкт-Петербург. В отель Огюст вернулся, едва дыша. Дико хотелось спать. Ополоснув лицо, чтобы освежиться, он принес из гостиной стул и устроился в ванной комнате, напротив зеркала. Деньги. Ему нужны деньги. Срочно. Бригида! На письме не было даты – бог весть, сколько оно шло из Парижа в Ниццу!

Бригида. Деньги...

Вокруг стали роиться снежинки. Снег белым пухом ложился на пол... на мерзлую кладбищенскую землю... на мрамор и гранит надгробий. Шапка-сугроб венчала крышу склепа. Тяжелая дверь приоткрыта, словно приглашая внутрь, в царство тьмы и тлена. Над входом вырублена рельефная надпись. С трудом разбирая готические буквы, Огюст прочел длинную польскую фамилию. Фамилия тут же забылась; вместо нее иней вывел совсем другое – «Waldec-Ermoli».

Бригида! Это ее склеп. Все мы смертны, никого не минет чаша сия. Но когда?! Огюст шагнул вперед, в усыпальницу. На кладбище началась пурга, буран набирал силу. В отдалении слышался стук лопат, долбивших оледеневший грунт.

Возникли голоса людей:

– Yes! I found it! Now I'm rich! We all are rich!

– Don't yell so loud, Joe! Be careful...³

Кладбище исчезло. Шевалье увидел компанию бородачей – они толпились на каменистом берегу ручья. Куртки из кожи, штаны, вымазанные в земле, стоптанные сапоги... Рядом валялись заступы. Люди стояли у свежевырытой ямы. Радостно хлопая друг друга по плечам, они передавали из рук в руки камень величиной с кулак. Находка блестела на солнце желтым металлом.

Картина затуманилась. Во мгле, влекомый ветром, мелькнул обрывок газеты. Огюст плохо владел английским, но даже он понял заголовок статьи: «Золото в Калифорнии!» Калифорния? Это где-то в Североамериканских Штатах. Там найдут золото.

Или уже нашли?

«...и что прикажете теперь делать? – думал он спустя минуту, тупо глядя на себя в зеркало. – Взять билет на пароход? Отправиться в Америку? Разбогатеть, вернуться через пару лет – и выяснить: Бригида покоится в склепе... Нет! У меня мало времени. Возможно, у меня его вообще нет, как у Галуа. Продать сведения о золоте? Кому?! Кто поверит откровениям провидца-шарлатана? Полковник обмолвился, что у него доверительные отношения с Ротшильдами... Может, выгорит?»

Промучившись около часа, Огюст оставил вариант с Ротшильдами про запас, внеся его в список восьмым пунктом.

Он опять сунулся в будущее, желая высмотреть что-нибудь более полезное – итоги ближайших скачек, например. Но Механизм Времени закружил его и стремительно увлек в даль Грядущего – туда, где ждал лабиринт с бурой жижей. Не донес, бросил на полпути в безводной пустыне...

³ – Да! Я нашел его! Теперь я богат! Мы все богаты! – Не ори так громко, Джо! Будь осторожен... (англ.)

Проснулся Огюст в ванной, к полудню. Во рту ночевал эскадрон гусар, голову лучше бы отрубили. Однако решимость раздобыть денег лишь укрепилась. И молодой человек отправился на поиски игорного дома.

2

– ...Леза!

Он взял восемь взяток из двенадцати, что дало дополнительные десять очков. Последний «король» остался за ним, но от общего проигрыша в четвертом пикете это не спасло. Черт дернул играть «на разницу», а не «под ставку»!

А как удачно все началось...

Шевалье полез за деньгами. Лысый только с виду выглядел неотесанным чурбаном. Дымил, подлец, вонючими «папелито», сморкался в грязный платок, прихлебывал из фляжки – а сам то на «белой» карте «репик» обломает, то «открытый капот» возьмет...

– Еще партию, мсье?

– Боюсь, моему другу пора. Его ждут по важному делу.

Волмонтович, как всегда, возник словно из-под земли.

– Спасибо, я уже иду. – Шевалье встал из-за стола. – Вы проводите меня, князь?

– Полковник ждет у входа. А я, с вашего позволения, заменю вас. – Волмонтович приятно улыбнулся лысому. – Вы не против, сударь?

– Ничуть.

Игра продолжилась.

– Я не слепой, мсье Шевалье. Вы нуждаетесь в деньгах. Верно?

Огюст уныло кивнул. Проницательность датчанина расстроила его едва ли не больше, чем проигрыш.

– Просить в долг вам не позволяет гордость. Что ж, это хорошее качество. Предлагаю вариант, при котором вы не будете чувствовать себя должником. Мне нужен секретарь. О жалованье договоримся.

– Мсье Эрстед, я ничего не смыслю в юриспруденции!

– И слава богу! – рассмеялся полковник. – Секретарь мне нужен как представителю Общества по распространению естествознания. Вы закончили Нормальную школу, вольнослушатель Сорбонны, ученик покойного Кювье... Уверен, вы прекрасно справитесь. Но есть одно условие.

– Какое? – насторожился Шевалье.

– Завтра мы покидаем Ниццу. Сегодня я получил письмо от брата. Дела Общества требуют моего присутствия в России. Вам придется меня сопровождать.

– В Россию?!

– Да. Мы едем в Санкт-Петербург.

«Кто из нас ясновидец?» – с ужасом подумал Шевалье. Он боялся поверить в такую удачу. Шестым пунктом в списке стояли поиски клада. Вот он, клад, имя которому – Андерс Сандэ Эрстед! Но нет ли при кладе рогатого сторожа, от которого несет серой?

С некоторого времени Огюст боялся случайных совпадений.

– У вас остались дела во Франции?

«Андерс Вали-Напролом», – вдруг пришло на ум странное прозвище. Огюст не знал, откуда оно родилось, но увидел раскисший голштинский (*почему – голишинский?*) снег и на нем – трупы в зеленых мундирах. Когда ему захотелось рассмотреть мундиры поближе, чтобы понять, чья это форма, все исчезло.

Августовская Ницца смеялась над призраками зимы.

– Нет.

За время пребывания в Ницце он закончил некролог, посвященный Галуа, и отправил текст в «Ревю Ансиклопедик». Также он выслал Альфреду копию рукописи погибшего брата с наказом размножить по мере сил и разослать по научным изданиям. Один экземпляр Шевалье велел спрятать получше – на всякий случай.

– Тогда я хочу услышать ваш ответ.

– С благодарностью принимаю ваше предложение, мсье Эрстед. Здесь меня ничего не держит. Я готов отправиться навстречу Судьбе. Даже если я – дон Хуан, а Судьба – каменный Командор...

– Скверная шутка, друг мой, – на лестнице, ведущей в игорный дом, объявился Волмонтович. – Во-первых, вы не дон Хуан, уж поверьте моему опыту. Скорее уж Лепорелло. Во-вторых, у Судьбы нет чувства юмора. Еще накаркаете... Впрочем, я рад, что вы едете с нами.

И князь спрятал в карман сюртука пачку ассигнаций.

3

На почтовой станции было малоллюдно.

– Три дня от Парижа до Страсбурга, – сказал барон фон Книгге. С рассеянной усмешкой он наблюдал, как потный, красный от беготни и вина почтальон грузит распряженную карету. – Это если повезет с погодой. Неделя – Дрезден. Там хорошие дороги. Пять дней – Варшава. Еще неделя, хотя полагаю, что дольше, – Рига. Девять оставшихся дней, и мы в Санкт-Петербурге, дитя мое. Месяц в дороге, бок о бок. Целый месяц романтики гостиниц и пейзажей, несущихся за окнами. Ты не рада? Заверяю, небеса будут расположены к нам.

Словно желая опровергнуть слова ясновидца, начался мелкий дождь. Суеверные почтари говорили, что отъезд в дождь (лучше – в ливень) к удаче. Если так, Эминента ждала удача, хотя и не ахти какая.

– Отпусти меня, – безнадежно попросила баронесса Вальдек-Эрмоли. – Умоляю, отпусти...

В «ты», с каким Бригида обращалась к Эминенту, крылось странное, не подобающее ситуации бесстыдство. Так разговаривает жена с мужем, с которым ее связывают тысячи ниточек: привычка, усталость, дети и тайны. Так беседуют сообщники, если один решает выйти из дела и боится мести второго. Так запойный пьяница, оставшись без гроша, фамильярен с трактирщиком, втайне рассчитывая на стаканчик в долг.

Очень богатое «ты» звучало в устах вдовой баронессы.

– Я тебя не держу, дитя мое. Уходи, если сможешь.

– Тебе хорошо известно, что я вынуждена возвращаться.

– Мне? Да, известно. Думаешь, я не знаю, к кому ты ездила в Ниццу? Ты правильно думаешь. Не знаю, но догадываюсь. Я перестал *видеть* этого мальчишку Шевалье. Он прячется от меня, или кто-то его прячет – в снегу. Мне доступен лишь буран – снег вертится, и я слепну. Нет, я не ревную, дитя мое. Ты вольна в своих поступках.

Почтальона у кареты сменила свита фон Книгге. Великан Ури, кряхтя, подавал багаж на крышу, рыжий прохвост Бейтс привязывал баулы и коробки веревками к поручням. Если власть Эминента над людьми была велика, то над чемоданом, от тряски упавшим в канаву, он власти не имел.

– Зачем я тебе в Петербурге, Адольф?

– Я рад видеть тебя рядом с собой. Красивая женщина – есть ли в мире лучшая спутница? Кроме того, вдова с титулом – ключ ко многим домам. Ты нужна мне, дитя мое. Ты голодна?

– Не твое дело.

– Значит, голодна. После Ниццы ты изменилась. Не знай я, кто ты есть, я бы сказал, что ты с этим Шевалье поменялась ролями. Ты бегаешь за ним, а он прячется в снегу. Ничего, сегодня ночью, на постоялом дворе, я накормлю тебя. Ты ведь хочешь этого, дитя мое?

Баронесса не ответила. Но ноздри ее затрепетали, как у голодного, почуявшего дым костра, где жарится кабанья печенка. В глазах возник и сразу угас лихорадочный блеск. Если случайный соглядатай ничего не понял бы из их разговора, то Эминент, вне сомнений, хорошо знал, что имеет в виду.

– Я расскажу тебе притчу, девочка. Одному скромному ясновидцу сделали предложение, от которого трудно отказаться. Ему предложили участвовать в Апокалипсисе. Нет, роль Всадника устроители спектакля сочли слишком ответственной для нашего героя. Ему отвели должность пастыря народов. Мелкого такого пастыря, скорее, конвоира, чья задача – гнать по этапу роту каторжан. Ясновидец был молод, возвышен; жив, в конце концов! Идеалы – страшная вещь... Тем не менее он успел задуматься: о каких народах идет речь, если в финале представления все мертвы?

– Мне холодно, – без выражения сказала баронесса.

Оба кутались в плащи: шерстяной капот с рукавами и капюшоном – у женщины, крылатка с пелериной – у мужчины.

– Пройдет. Ночью я накормлю тебя, и ты согреешься. Так вот, наш ясновидец стал задавать вопросы. О, ему ответили! Да, все мертвы, сказали устроители. Закон природы. Но мертвецы встанут и пойдут, если вы поможете нам. Все до единого, от начала времен – марш-марш в счастливое, прелестное Грядущее! Вам даже ничего не придется делать. Вы только согласитесь, все остальное мы сделаем сами. Мы даже уступим легионам мертвецов Землю и уйдем – в горние сферы, далеко-далеко...

Сухая, затянута в перчатку рука сделала выразительный жест. Сразу делалось ясно, как далеко собирались уйти неведомые устроители Апокалипсиса. Неделя пути от Страсбурга до Дрездена для них – детский лепет. За неделю они умчат на восьмое небо! Лицо Эминента оставалось бесстрастным, но баронесса видела: фон Книгге расстроен.

Она редко видела его таким.

– Ясновидцу хватило ума отказаться. Прошли годы, и он узнал о мальчике, который вырастет, станет нищим философом и выкрикнет в небо безумную идею – Воскрешение Отцов. Сперва ясновидец посмеялся. А потом смех кончился и началась холера. Мертвые хоронили своих мертвецов, и наш герой задумался: где кончается безумие и начинается завтрашний день?

– Скучная притча, Адольф, – баронесса зевнула. – В чем мораль?

– Мораль в том, что я еду в Россию. Мораль в том, что я, возможно, не с тем воюю. Мораль спрятана в ларце, на волшебном острове. Там в лабиринте плещется хитроумная слизь, а вокруг мигают синие огни. Ты что-нибудь поняла, дитя мое?

– Нет.

– И славно. А я хочу понять.

Кучер, здоровенный детина с животом, достойным Гаргантюа, проходя мимо Ури, с одобрением хлопнул великана по плечу. Дескать, могуч ты, парнище! – так и мы не пальцем деланы... Хлопок мог бы оглушить быка. Рыжий Бейтс, свесившись с крыши, ждал, что приятель ответит кучеру тем же. Зрелище обещало быть замечательным. Увы, Ури огорчил рыжего – он аккуратно подал наверх очередной баул, легонько, словно ребенка, потрепал детину по рукаву и улыбнулся тому, сдвинув шляпу на затылок.

Лицо Ури, лишенное благотворной тени от шляпы, произвело на кучера неизгладимое впечатление. Он икнул, протер глаза, икнул еще раз и молча побрел к лошадям. Там детина долго стоял, ткнувшись лбом в шею чалой кобылы, прежде чем опомнился и стал собирать упряжь.

Икота никак не желала отпустить кучера.

– Ты хочешь убить какого-то русского мальчика? – спросила Бригида. – Да, Адольф? Ты едешь убивать?

– С чего ты взяла?

– В последнее время ты много убиваешь. Я сама – убийца, я такое слышу. Как капельмейстер – фальшь в оркестре. От тебя пахнет кровью.

– Не говори глупости. Слава царя Ирода меня не прельщает. Да и у мальчика, склонного к философии, есть покровители куда лучше, чем дряхлый Иосиф и несчастная Мария.

– Не кощунствуй!

– И не думаю. Я просто хорошо знаю, чем кончаются покушения на детишек, и не хочу заложить основу новой религии. О детях, не вошедших в возраст, надо беседовать с их родителями. До отца далековато, да и незачем, зато дед... У нашего мальчика есть чудесный дед. Я не хотел бы ссоры с ним. Как ты думаешь, дитя мое, много ли на земле людей, с кем я не хотел бы ссоры?

– Очень мало, Адольф.

– Вот ты и послужишь ключиком к дверям дома этого деда. Очаровательным золотым ключиком.

– Я не ошиблась. Ты едешь убивать. И для начала ты уложишь меня в постель к какому-то деду. Моя постель холодна, в ней замерзают. Зачем тебе ссора с опасным дедом, если есть я? Старик расскажет мне о своей жизни, старики любят поговорить... Раз, другой, и на кладбище появится свежая могила.

Эминент с удовольствием расхохотался.

– Дитя мое, ты просто прелесть! Во-первых, дед нашего мальчика – вовсе не старик. Шестьдесят лет – не возраст для таких, как мы. Во-вторых, если он и захочет пооткровенничать с тобой, то надолго его рассказ не затянется. Ты же помнишь, как это было у нас с тобой, а? Поверь, венерабль ложи Орла Российского разбирается в тонких материях. Иначе он погиб бы еще поручиком, под Измаилом...

– Что же нас все-таки связывает, Адольф? – еле слышно спросила баронесса.

– Может быть, любовь? – предположил Эминент. – Ибо сильна, как смерть?

Кажется, он не шутил.

Хотя, имея дело с фон Книгге, ничего нельзя было знать наверняка.

4

– Как вы говорите? Енгальчев?

– Князь Енгальчев, Петр Матвеевич, – терпеливо повторил генерал Чжоу. – Вольнослушатель Сорбонны. Возвращаюсь на родину согласно волеизъявлению моего батюшки.

– Извольте обождать, ваше сиятельство.

2-й секретарь Императорского Российского посольства во Франции помассировал виски, вздохнул и склонился над паспортом Енгальчева. Татарин, думал секретарь. Университеты им подавай. У секретаря дико болела голова, отчего он был в раздражении. Сейчас оформим паспорт – и домой, под одеяло, да горячего бордо с корицей, и рому туда побольше...

При Александре I в посольстве жилось проще. Запретив губернаторам выдавать заграничные паспорта, император ввел их выдачу только в Санкт-Петербурге, с разрешения высших чиновников. Губернским властям было предписано сообщать обо всех возвращающихся из-за границы – лично его величеству, на имя высочайшей канцелярии. Это резко сократило поток желающих – а главное, способных – выехать в Париж. Смута наполеоновских баталий канула в прошлое; посол зевал да волочился за мадемузельками.

Секретари полировали ногти в ожидании обеда.

Когда на престол взошел Николай I, вроде бы начались послабления. Но в посольстве хорошо понимали: вольность – ненадолго. И со дня на день ждали свеженький указ государя, после которого рассчитывали вовсе избавиться от визитов докучливых земляков. Про указ ходили слухи – один другого краше. Для получения паспорта российский дворянин должен был выплатить все долги, уладив дела с кредиторами. Далее в «Санкт-Петербургских ведомостях» он публиковал объявление о намеченном отъезде за рубеж – не менее трех раз, на русском и немецком языках.

За каждую обозначенную там персону в казну платился рубль серебром.

В проекте нового указа также предполагалась справка об отсутствии претензий, медицинское заключение врача, назначенного полицейским приставом, – дамы рыдали, воображая ужасы осмотра; уплата пошлин (сто рублей с персоны за полгода) и, наконец, категорический запрет на вывоз детей в возрасте от десяти до восемнадцати лет, как наиболее подверженных влиянию бунтарских идей.

Дети были залогом возвращения родителей.

– Ваше временное удостоверение?

– Вот оно. Сдаю, сообразно правилам.

Генерал Чжоу протянул секретарю чистый лист бумаги, надрезанный по краям ножницами из алюминия. Он очень ловко умел надрезать чистые листы. Секретарь внимательно прочитал несуществующую запись, кивнул и спрятал бумагу в бюро.

– Все в порядке, ваше сиятельство.

Опасаясь незаконной иммиграции, французские власти на границе отбирали паспорта у иностранцев. Вместо паспорта гость получал удостоверение с указанием пункта назначения. Обменять «временку» можно было лишь в посольстве, если ты заблаговременно позаботился предупредить, дабы твой паспорт отправили туда с курьером, или в забронированной заранее и отмеченной в удостоверении гостинице.

– Я тороплюсь.

– Уже, уже...

Китаец не боялся, что подлог раскроется. Бумага в бюро к вечеру превратится в горстку пепла. А секретарь напрочь забудет, что возвращал – верней, оформлял заново, что было разрешено лишь в особых, подлежащих регистрации случаях, – паспорт князю Енгальчеву. Он и фамилии-то такой не вспомнит: Енгальчев. Это пустяк, мелочь, не заслуживающая внимания Посвященного. Вот просто стоять, ничего не делать и ждать, сохраняя лицо, – это гораздо труднее, чем заставить дубовую голову секретаря разболеться в должной степени.

Сердце генерала кипело, как забытый на огне чайник.

Вчера Чжоу Чжу имел неприятный разговор с Эминентом. Неблагодарный, как все варвары, ясновидец счел долг генерала оплаченным, но назвал помощь китайца *чрезмерной*. Он ясно намекнул, что, заражая Париж холерой, генерал преследовал какие-то свои цели, о которых умолчал.

«Вы упрекаете меня?» – холодно спросил Чжоу.

«Нет, – ответил фон Книгге. – Я подвожу итоги».

«Вы хотите оскорбить меня?»

«Нет. Я прощаюсь с вами».

После этого стало решительно невозможно просить о второй услуге – розыске герра Алюмена. У генерала сложилось впечатление, что это и было причиной грубости обычно вежливого Эминента. Но идти дальше, пытаясь докопаться до корней, означало ссору. Тратить же силы, затеявая бессмысленную, грозящую затянуться войну, Чжоу не имел права. Что-то подсказывало китайцу, что срок жизни его нынешнего тела, несмотря на молодость, близится к концу.

Следовало, как сказал фон Книгге, подводить итоги – и готовиться к переселению. Чжоу Чжу не доверял дерзкому варвару, по прихоти судьбы способному видеть Грядущее в деталях,

недоступных китайцу. Прорицая судьбу русского мальчика, варвар мог скрыть важные знамения.

Если так, генерал вернется – спросить с герра Эминента.

– Какой маршрут вписывать, ваше сиятельство?

– Петербург, – ответил генерал Чжоу.

Чиновник вновь заскрипел пером.

Сцена вторая Ромео ищет Джульетту

1

Обязанности секретаря оказались не обременительны. Шевалье мучило подозрение: неужели полковник взял его из личного расположения? Даром есть хлеб Огюст не желал. С другой стороны, ему предстояли поиски Бригиды. Чужая страна, загадочный русский язык, загадочная русская душа...

А если полковник завалит его делами?

Вдоль Шлиссельбургского тракта, нагоняя уныние, тянулись ветхие хибары. От рыбацких слобод воняло требухой. Карета скакала на ухабах. У Огюста лязгали зубы, он едва не откусил себе язык. Решив было, что таков весь Петербург, он дал маху – под колеса лег булыжник мостовой, объявились дома в три этажа. Сверкнул позолотой купол Свято-Троицкой церкви; в небе поплыл колокольный звон.

Чумазый малец в разлеталке бросился под копыта:

– С пылу, с жару! – Мелькнула корзина с пирогами. – Налетай!

Набережные, закованные в гранит. Мощеные тротуары. Стрельчатые окна, лепнина карнизов; статуи на фронтонах домов. Центр города являл собой роскошь, завернутую в убогость предместий, как в шелуху.

Суматошный день приезда напоминал лоскутное одеяло: сценки без начала и конца. Голова кругом, все от тебя чего-то хотят, и не поймешь – чего. Поначалу они остановились в гостинице. Едва успев привести себя в порядок, Эрстед отправился с визитом в Технологический институт. Шевалье, как секретарь, сопровождал патрона. Увы, при попытке войти произошла заминка. Бдительный страж, толстяк в мундире темно-синего сукна, встал стеной: не положено! Неприемный день. Получите разрешение у директора и приходите в среду.

Шевалье недоумевал: это полицейский чин или же гражданский служащий?

Ни французского, ни немецкого страж не знал. К счастью, Эрстед по-русски – включая денежную мзду – убедил чербера позвать начальство. Явился очередной мундир – с обшлагами черного бархата. Представился мундир инспектором, а узнав, кто перед ним, куда-то послал стража. Тот, побагровев, никуда не пошел, а инспектор на недурном французском пригласил гостей в кабинет директора.

Дальнейшая череда мундиров запомнилась Огюсту смутно. Выяснилось, что попечители института приготовили Эрстеду квартиру в «гостином доме» на Большой Конюшенной. Давно потеряв нить разговора, Шевалье решил, что их собираются поселить в конюшне – очень большой, где места хватит на всех, – и воспринял петербургское гостеприимство с полным равнодушием.

Последовал новый переезд.

Смеркалось. На улицах зажглись масляные фонари – газовое освещение сюда не добралось. Шевалье с удовлетворением отметил, что волков поблизости нет. Зря, выходит, его пугали «медвежьей дырой», где по ночам рыщут разбойники, а днем не дают проходу цыгане с балалайками.

«Конюшня» оказалась четырехэтажной, с портье и прислугой. Им отвели правое крыло второго этажа – семь комнат. Инспектор отрекомендовал гостям ресторацию «Simon-Grand-Jean» и удалился. Остаток вечера прошел в распаковке багажа. Ресторацией Шевалье, завершив ужин, остался разочарован: кухня не отличалась от парижской.

– Будет вам кулинария а-ля рюс! – утешил его князь. – Еще наместесь...

Наутро Эрстед велел Огюсту разобрать бумаги, имеющие касательство к делам Общества. Предстояло отослать шесть писем, после чего Шевалье мог быть свободен. На встречу, назначенную вечером, датчанин отправлялся без секретаря.

2

Совесть требовала отработать жалованье. Любовь гнала на поиски Бригиды. В итоге Шевалье выбрал третье – отправился завтракать. Благо в «Кондитерской Доминика» на углу варили славный кофе; да и румяные пышки были выше всяких похвал.

Здесь имелись свежие газеты (у папаши Бюжо довольствовались «Шаривари» недельной давности). Россия начала нравиться Огюсту. Отыскав «Journal de St-Petersbourg», издаваемый Министерством иностранных дел на французском языке, он пролистал новости политики, статью о светском скандале... Неслыханная удача! Дальше публиковались списки приехавших в город иностранцев.

«Вряд ли Бригида путешествует под чужим именем. Значит, должна быть в списке...»

О баронессе Вальдек-Эрмоли нигде не упоминалось. Как же так, она ведь сообщала... Огюст хлопнул себя ладонью по лбу, едва не расплескав кофе. Ну конечно! Бригида, вне сомнений, прибыла в Петербург раньше. Нужно взять предыдущие выпуски.

Подшивка за месяц нашлась быстро. Старания были вознаграждены – да, баронесса приехала на прошлой неделе. И что дальше? Где ее искать? Шевалье вздохнул, расплатился и отправился «по службе».

К полудню он рассортировал документы. Устав Общества, меморандум, списки адресов, рекомендации... Придавив стопку бронзовым пресс-папье, Шевалье взял письма и спустился на первый этаж.

– Где мне найти ближайшее почтовое отделение?

– Нижайше извиняюсь, мсье. Боюсь, ближайшее вам не подойдет.

К счастью, портье сносно болтал по-французски. Он был облачен в ливрею, похожую на мундир, или в мундир, похожий на ливрею, – не разобрать. Вскоре до Шевалье дошло: портье старше, чем кажется. Предупредительность, гранича с подобострастием, делала из мужчины застенчивого юношу.

– Почему же?

– Прошу прощения, мсье... Вы ведь не говорите по-русски, да? А в ближайшем никто не говорит по-французски. Осмелюсь дать вам совет: зайдите на Главный почтамт. Там вы сумеете объясниться. Если желаете, я нарисую вам, как пройти.

– Буду признателен, – кивнул Шевалье.

Портье нырнул под конторку, зашуршав бумагами, как целый выводок мышей. Огюст полез в карман за монетой, дабы вознаградить служащего, когда в голову ему пришла мудрая мысль.

– А скажите мне, сударь... Где у вас обычно останавливаются иностранцы? Я имею в виду, знатного происхождения?

– Извольте-с! – портье выскочил из-за конторки, как пробка из бутылки шампанского. Казалось, он только и ждал этого вопроса. – Гостиниц для указанных вами господ в Петербурге четыре. Дом Серапина, что у Обухова моста, заведение господина Кулона на Михайловской площади; трактир Демута – рядышком, на Большой Конюшенной. И «Лондон» напротив Адмиралтейства

У Шевалье голова пошла кругом.

– Кликнуть извозчика, мсье? Я ему растолкую, чтоб подвез вас к каждой гостинице по очереди. Тут, правда, и пешком недалеко...

Портье изогнулся вопросительным знаком.

– Я бы прошелся пешком. Не заблужусь?

– Никак нет, мсье! – просиял служитель. – Сей момент!

В воздухе мелькнул чистый лист. Из бюро выпрыгнула чернильница. В руках портье, словно по волшебству, возникло перо. Чувствовалось: рисовать карты ему не впервой. Не прошло и десяти минут, как план был готов. Шевалье восхитился: улицы вычерчены ровно, как под линейку, названия подписаны по-французски и ниже – русской кириллицей, дабы гость мог сличать таблички на стенах домов с картой. Гостиницы и почтамт – отдельно, кружками; «гостиный дом» института – крестиком.

– Превосходно! Вам бы в топографы идти! Вот, возьмите за труды.

Огюст вручил портье серебряный рубль, хотя поначалу думал ограничиться монетой вдвое меньшего достоинства. Здесь она называлась, если верить Волмонтовичу, загадочным словом «poltinnik».

– Премного благодарствую, мсье!

В дверях Шевалье оглянулся:

– Скажите... Зачем у вас в газетах печатаются списки гостей-иностранцев?

– Мсье шутит? – изумился портье.

– Нет, мсье серьезно...

– Иначе нельзя-с! Как же полиция будет знать, кто изволил посетить Санкт-Петербург?

– Полиция? А зачем полиции это знать?

– А вдруг понадобится кого-то разыскать? Взять под наблюдение? Нет, мсье, порядок есть порядок. Полиция все должна знать заранее...

Настроение у Огюста Шевалье испортилось категорически.

3

Погода переменилась.

Сделалось ветрено. По небу в панике неслись редкие клочья пуха. Метались голуби, буль-кая и гадя на что ни попадя. Казалось, пух для облаков драли из них. Палые листья танцевали на тротуаре мазурку. Прохожие шурились, спешили поднять воротники.

Порыв ветра едва не вырвал карту из рук Шевалье. Огюст сверился с планом и отправился на почтамт. Велико было искушение первым делом проверить трактир Демута – вдруг сразу повезет?! Однако чувство долга победило. До улицы, которая так и называлась – Почтамтской – он добрался без приключений. Дважды к нему обращались с вопросами, и Огюст отвечал фразой, которую выучил под руководством Волмонтовича:

– Извинить, я не понимаю русски. Французский, нет?

Князь предупредил: фраза намеренно искажена. Чтобы сразу видели: перед ними иностранец. Иначе решат, что издевается. Одному немцу нос расквасили – не умничай, бритая морда! Фраза действовала безотказно. Огюста оставляли в покое, а бородач в поддевке даже перекрестился вслед.

Здание почтамта впечатляло. Три этажа, портики с фронтонами; въезд для экипажей... Не сразу Шевалье отыскал отделение корреспонденции: здесь больше занимались перевозкой пассажиров, нежели письмами. Лишь спустя час, а то и два он выбрался наружу.

Теперь – на поиски!

Сверясь с табличками на домах, имевшимися, увы, далеко не везде, Огюст двинулся в путь. От жуткой кириллицы рябило в глазах. Засмотревшись на шпиль Адмиралтейства, он не сразу сообразил, что добрался до первой цели.

«Трактирь «Лондон» – гласила вывеска.

– Прогулка по городу? Фаэтон, ландо, «эгоистка»?⁴

Хлыщ в сюртуке, протертом на локтях, говорил на хорошем французском. С первого взгляда его можно было принять за поиздержавшегося дворянина. Но второй, более пристальный взгляд рассеивал иллюзию. Фатовато напوماженные усики, цилиндр высотой с Вавилонскую башню, а главное – алчный блеск в глазках выдавали хлыща с головой.

– Осмотр шедевров архитектуры? Иные увеселения?

В скромном желании срубить денегат по-легкому он был не одинок. Сбоку подкатился толстячок, задорно сверкая стеклышками пенсне. Привстал на цыпочки, потянулся к уху:

– Доступные мамзели, мсье! Чистые, приветливые! Индийские баядеры? – тьфу, и в подметки, знаете ли...

К ним уже спешил господин феноменального роста, ухмыляясь с неприятным радушием. Более всего он напоминал паяца, растянутого на дыбе. У входа в «Лондон» прогуливался квартальный надзиратель, делая вид, что происходящее его нисколько не касается. Шевалье побоялся даже вообразить, что предложит ему «паяц», – и сбежал в трактир, игнорируя посулы.

– Чего желает мсье? Комнату? Обед?

За стеной звучала музыка, смех; кто-то, надсаживаясь, провозглашал здравицу. Лестница, застеленная ковром, вела на второй этаж – в номера.

– Я зашел справиться об одной госпоже.

Портье заметно поскущел. Шевалье сунул руку в карман, позвенел вескими аргументами – и скука превратилась в самую любезность.

– Кого ищет мсье?

– Баронесса Вальдек-Эрмоли, – Огюст бросил на конторку серебряный «poltinnik». – Недавно из Парижа.

Монета исчезла как по волшебству.

– Увы, – портье шуршал страницами. – Среди наших постояльцев сия госпожа не числится.

– Вы уверены?

– Мне очень жаль, мсье...

Снаружи его ждали. К троице «хлыщ-толстяк-паяц» добавился легион новых бесов. Сразу взять клиента в оборот они не рискнули, ибо Огюст решительно направился к квартальному. Тот с интересом следил за развитием ситуации. Не дойдя до надзирателя каких-то пяти шагов, молодой человек резко сменил направление – и свернул в переулок. Бесы кинулись было вдогонку, но отстали, признав поражение.

Позади добродушно хохотал квартальный:

– Ай да французик! Молодца! Обставил вас, мазуриков...

Неудача преследовала Огюста. Портье листали регистрационные книги: нет, не значится. Ноги устали. Несмотря на заверения, что «тут все рядом», он изрядно отмахал по городу. В животе угрюмо бурчало – пообедать Шевалье не успел.

У Демутова трактира, последнего в списке, Огюсту предложили сераль пейзажок, жаждущих большой и чистой французской любви, набор столового серебра, «лучший опиум из Англии», коллекцию непристойных миниатюр «Сны Бомбея» и чудо прогресса – тульский samovar. Шевалье с трудом вырвался из лап доброжелателей и нырнул в двери заведения.

– Вальдек-Эрмоли? Увы, мсье...

«Приплыли», как выразился бы капитан Гарибальди.

– Вы в затруднении, душа моя? Нуждаетесь в помощи?

Рядом обнаружился один из дежуривших у входа бесов, который опиум и «Сны Бомбея». Он разительно изменился: был майский жук, стал светский лев. Грива каштановых, с проседью,

⁴ Фаэтон и ландо – коляски с открывающимся верхом. «Эгоистка» – легкая коляска на одного седока с кучером спереди.

волос, мужественное лицо, щеки гладко выбриты... Сетка багровых жилок на носу и скулах, изобличая любителя выпить, внушала собеседнику доверие: кто из нас без греха?

Фрак он носил на два размера меньше, чем следовало.

– Нет, – Огюст на всякий случай отодвинулся. – Разве что вы занимаетесь частным сыском...

– Я, Яков Брянский? – свое имя лев произносил торжественно, басом, по-ослиному растягивая в «Иа-а-ков». – Частный сыск?! Уморил, голубчик! Сразил каленою стрелой! И в страшном сне...

Отсмеявшись, он ухватил Шевалье под локоток:

– Внемли, душа моя. В поисках истины, а тем паче человечка, Господь вас упаси от приватных сыскарей... Все они прохвосты! Жулики! Это вам говорит Брянский, а он знает толк в жизни! За ваши денежки они найдут разве что шкалик водки...

– Куда ж мне обращаться? – Огюст был сбит с толку. – В полицию?

– Да ни боже ж мой! Этак вы сами в Сибирь загребите. Все зависит от того, душа моя, кого именно вы ищете. Ежели, к примеру, это благонамеренный дворянин, – лев заговорщицки подмигнул, – а тем паче дама...

– Угадали.

– Триумф! Ликование народов! – Французский льва оставлял желать лучшего, но выбора не было. – Вы – любимец Фортуны, душа моя! Вы нашли драгоценный алмаз! Подобрали в пыли! Разрешите представиться: Брянский Яков, сын Григорьев, – он раскланялся, отчего фрак опасно затрещал. – К вашим, знаете ли, разнообразным услугам.

– Огюст Шевалье. Но вы сказали...

– Сказал! И на плахе повторю: сыскари – прохиндеи! Всеконечные шарлатаны! Брянский же не таков, нет! Сам Каратыгин рыдал, как дитя, внимая моему монологу! Великий Мочалов клялся: Брянский, ты гений! Пред государем-императором лицедействовал...

– Вы актер? – Шевалье не удалось скрыть разочарования. – Как же вы беретесь помочь мне?

– Ах, чистое сердце! – лев прослезился от нахлынувших чувств. – Сразу видно: суций вы младенец! Дабы сыскать даму в Петербурге, надо быть вхожим в свет. Понимаете? Вхожим! Уж кто и вхож, как не Яков Брянский?! Где блистают дамы? Верно, душа моя: балы да театры! А кто всюду зван? везде желанен? Кого привечают, как родного? И кто всей душой жаждет вас осчастливить?

Он взял паузу, дожидаясь ответа. К сожалению, Огюст молчал, и актеру пришлось раскрыть эту невероятную тайну:

– А никто боле, кроме Якова Брянского! Так и запомните: никто! Славь, Муза, героя!

Напор актера потрясал. Такой человек мог быть полезен. Но голос осторожности звучал даже сквозь бурю и натиск подержанного льва.

– Допустим, вы убедили меня. Как дорого вы цените свои услуги, мсье Брянский?

– Ах, оставьте! Кто говорит о деньгах?! Неужели вы так меркантильны, душа моя? Не верю!

Актер тряхнул гривой. Он сделался прям, как столб, упер руку в бок и демонстративно отвернулся от собеседника; верней, повернулся к нему в профиль. Слова сорвались с губ Огюста прежде, чем молодой человек успел оценить театральность позы:

– И в мыслях не имел вас оскорбить!

– Я знал, знал! Ваши помыслы чисты! – воспрял лев, заключая Шевалье в объятия. Треск фрака служил ему аккомпанементом. – Что деньги? Прах! Металл презренный! Моей наградой будет лишь одно – двух любящих сердец соединенье! Но опасенья ваши мне понятны: вокруг кишат мздоимцы и плуты. Я ж не таков! Я злата не ищу. Я вас люблю, как сорок тысяч братьев! А посему отбросьте колебанья! Так трусами нас делает сомненье, и начинания, вознесшиеся

мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют наше к ним расположение... Вот вам залог моей сердечной дружбы!

Он царственным жестом протянул Огюсту кусок картона.

– Извольте! Контрамарка в Александринку. У меня там пустячная рольца – мизер, не стоит разговора. Но разве ж они могут обойтись без Брянского?! На коленях умоляли: мол, короля играет свита... Ладно, я снизошел. Не все ж представлять благородных отцов? Отыщите меня в антракте, я вам поведаю, что разузнал. Как зовут нашу Джульетту?

– Баронесса Вальдек-Эрмоли, – сдался Шевалье.

Актер его покорила – и темпераментом, и внезапным бескорыстием.

– Портрет есть? – деловито спросил Брянский.

– Увы, – развел руками Огюст.

Лев нахмурился:

– Это осложняет дело. Портрет возлюбленной надо иметь. Лучше в золотом медальоне... – Он ободряюще хлопнул молодого человека по плечу: – Не унывай, душа моя! Мы отыщем вашу возлюбленную! Там подмажем, тут поедем...

– Но вы же говорили...

– Не мне, не мне! Как ты мог подумать, несчастный?! Брянский слов на ветер не бросает! Я помогаю вам из душевного расположения! Мне ль не знать, как тоскует сердце в разлуке? Как тягостен миг вдали от любимой? Но не все вокруг таковы, душа моя. Черная алчность, интриги завистников, корысть... Тому дай, сему поднеси – а в итоге, глядишь: сладилось дело! Встретились два любящих сердца!

– Сколько?

– Сущие пустяки! Разве сорок рублей – деньги?!

– Ну, пожалуй...

Шевалье прикинул, какой наличностью располагает.

– Лишнего не потрачу! Ежели что останется – верну, как Бог свят! Можете считать, ваша суженая уже с вами. А не отужинать ли нам? Время позднее, не грех подкрепить силы телесные!

Лев попал в точку: у Огюста живот сводило от голода.

– С удовольствием!

– Отрадно зреть единение помыслов! Идем, Ромео! В сем богоспасаемом трактире подают отменную хреновуху. Мы скрепим наш союз согласно старинному русскому обычаю! А какая здесь стерлядь...

4

– Прав был князь, – сообщил Огюст платяному шкафу.

Шкаф с сочувствием промолчал.

Вторая попытка стащить панталоны также не увенчалась успехом. Молодой человек остушился, заплясал джигу и едва не растянулся на паркете. Волмонтович как в воду смотрел: «Будет вам кулинария а-ля рюс!» Кулинария – ладно, с трудом, но переживем; зато выпивка... Ну почему бы не взять под дивную стерлядь вина? Хорошего белого вина?! Легкого, нежного, полезного даже невинным младенцам...

Но Брянского разве переспоришь?

Коварная «хреновуха» бултыхалась в желудке. По организму она расплзлась неравномерно, смещая равновесие к хаосу. Ноги выписывали кренделя, мостовую штормило. Огюст плохо помнил, как добрался до гостиницы. Кажется, его довел Брянский. А портье, ласково утешая гостя народными русскими пословицами, помог взобраться по лестнице...

Стыдно-то как!

В какой-то момент Огюст осознал, что сидит на кровати со спущенными панталонами. Тут дело наконец пошло на лад. Минута – и он облегченно рухнул в белый сугроб одеял и простыней. Сугроб взвихрился снежным пухом; Шевалье даже испугался, что порвал подушку. Но подушка оказалась ни при чем. Вокруг мельтешили снежинки, сворачиваясь в знакомую двойную спираль.

Закружилась голова – гораздо хуже, чем прежде. Гигантский штопор увлекал Огюста за собой, ввинчиваясь в черный хрусталь небес. Сил сопротивляться не осталось. Движение ускорилось, перезвон ледяных шестеренок сложился в смутно знакомую мелодию; она убаюкивала, пела колыбельную...

Должно быть, он заснул. А когда очнулся и попытался открыть глаза – ничего не увидел. Его окружала непроглядная тьма. Тьма еле слышно вздыхала и шевелилась. К горлу подкатил комок тошноты. Это сон? Он умер? Ослеп?

Его похоронили заживо?!

– Приношу извинения. У нас маленькие неполадки. Внеплановая суперпозиция солитонных полей. Не волнуйтесь, сейчас все исправим.

Голос был знакомый. Глаз-Переговорщик?

У Огюста отлегло от сердца.

– Это я виноват, – ляпнул он первое, что пришло на ум. – Хватил лишку. Стерлядь, сами понимаете... ох, и стерлядь!.. Надеюсь, я у вас ничего серьезного не повредил?

Повисла долгая пауза. Шевалье даже успел забеспокоиться: не обидел ли он Переговорщика? – но тут глаз заговорил вновь:

– Удивительно! Вы правы! Опынение меняет метаболизм организма, а это, в свою очередь, сказывается на волновой структуре супергена. Приемный комплекс был настроен на вашу стандарт-матрицу, вот и случился сбой. Обычно ясновидцы не злоупотребляют... Впрочем, это не мое дело. Извините за вторжение в частную жизнь. Сейчас операторы наладят связь; заодно и вас приведем в норму. Ну как? Чувствуете?

Головокружение исчезло. Мысль о «хреновухе» больше не влекла за собой желание удавиться.

– Здорово! – восхитился Шевалье, счастлив от такого благотворного вторжения в его частную жизнь. – А я, когда обратно вернусь, тоже буду трезвый?

– Гарантий дать не рискну, – замылся глаз. – Есть некий шанс...

Особой уверенности в его голосе не ощущалось.

– Ладно, так просплюсь. Кстати, у меня до сих пор темно, как в угольном мешке... Ой!

Яркий свет обрушился без предупреждения. Шевалье отчаянно заморгал (чем, прости Господи?! – и зрение пришло в норму. Перед ним торчал волосатый ствол пальмы, уходя ввысь.

– Все в порядке?

– Д-да...

– Вы не против, если мы совершим прогулку по острову?

– Н-нет... не против...

Эту пальмовую рощу он до сих пор видел лишь издали. Перламутровый песок, обломки раковин блестят на солнце; в вышине – шелест тюрбанов резных листьев. Шум прибоя действовал успокаивающе. Лабиринт отсюда был едва различим. Его местоположение определялось по синим огням, время от времени вспыхивавшим на вершинах пирамидок.

– Рад, что вы снова навестили нас. Еще раз простите за доставленные неудобства.

– Да ладно, я сам виноват... – Если бы мог, Огюст расшаркался бы и потупил взор. Угрозидло же вломиться в Грядущее пьяным в стельку! Что подумают потомки о буйном предке?! – Знаете, я вас не вижу. А вы меня? Как вы определяете, что я уже объявился?

– Мы не видим вас. Мы вас ощущаем. Если вы, к примеру, работаете в лаборатории, вы ведь заметите, что... – глаз задумался, подбирая слова. Казалось, Переговорщик лабораторию представлял совсем иначе, чем гость, – что в помещение кто-то вошел?

– Человека – замечу. Призрака – вряд ли.

– Да, пример неудачный, – вздохнув, согласился Переговорщик. – Хорошо, зайдем с другого боку. Как по-вашему, электрический ток – материален?

– Разумеется!

– Но ведь вы его не видите, верно? Как вы определите наличие тока в проводнике?

– По запаху.

– А, вы шутите! – догадался глаз. – Очень смешно. А если всерьез?

– При помощи гальваноскопа. Или по отклонению магнитной стрелки.

– Отлично! Теперь представьте, что гальваноскоп или компас – один из ваших биологических органов. Вам не нужно смотреть на приборы, чтобы определить: рядом объявился новый источник электротока. Вы это просто чувствуете.

– Компас – мой орган? Очень интересно...

Складывалось впечатление, что два философа – бестелесные Сократ с Платоном – прогуливаются меж тропических деревьев, ведя познавательный разговор. Огюст словно оседлал пони-невидимку, повинующегося мысленным приказам всадника-призрака.

Подарить, что ли, идею мэтру Дюма для пьесы?

– Хорошо, наличие тока определяют приборы. А наличие... э-э... в смысле, присутствие души? Она что, тоже...

– Конечно! Материя существует не только в виде корпускул.

– Атомов?

– Да. Атомов и еще более мелких частиц. Каждая частица одновременно является волной. Корпускулярно-волновой дуализм... Ох, простите! В ваше время эта теория еще не создана. Но само понятие электромагнитных волн Фарадей ввел как раз в 1832 году! Если совсем просто: любому вещественному объекту соответствует определенная волновая структура, невидимая глазом. Сложнейшую композицию излучений человеческого организма и можно назвать душой. Волновая матрица личности. В вашем хроносекторе нет приборов, способных ее зафиксировать. А мы умеем воспринимать и корпускулярный, и волновой диапазон.

– И для этого отращиваете себе новые органы?!

Бурлящая жижа, глаз на стебельке, крылатый «демон»; морская тварь исчезает в тошнотворной массе... Люди ли вы, потомки?! – в очередной раз задал себе вопрос Шевалье и не нашел ответа.

Пальмы остались позади. Они выбрались на берег океана. У горизонта по аквамариновой глади скользила темная черточка. Молодой человек вгляделся – и море рванулось навстречу. Казалось, услужливый лакей подал Огюсту подзорную трубу.

Исполинский корабль рассекал волны, оставляя за собой узкий пенный след. Несомненно, это было творение рук человеческих: спиральные башенки, паутина черных проводов, обтекаемые формы надстроек... В то же время корабль напоминал восставшего из глубин библейского Левиафана. Ни парусов, ни мачт; дымящих труб или гребных колес тоже не наблюдалось. Корпус, уходя в воду, лоснился мокрой кожей. По ней часто пробегали неприятные судороги. Неожиданно «корабль» изогнулся всей своей тушей, меняя направление, плеснул хвостом – да-да, мощным китовым хвостом! – и с невероятной скоростью понесся за горизонт.

Шевалье и без встроенного в задницу биокомпаса почуял: Переговорщик с интересом наблюдает за реакцией гостя.

– Новые органы? – как ни в чем не бывало продолжил глаз. – Да, и их тоже. Но не это главное. Все дело в балансе: «волна – корпускула». Мы способны его регулировать. То, что вы называете «душой», – по большей части волновая структура, а тело – по большей части

корпускулярная. С появлением хромосомных вычислительных машин это различие перестало быть существенным. Мы научились изменять свои тела, сливать их воедино, воспринимать волновой диапазон непосредственно, общаться в нем...

– Сливать воедино? Этот ваш лабиринт с блевотиной?..

Шевалье с омерзением покосился в глубь острова.

– Экий у вас буйный ассоциативный ряд! – деликатно хихикнул собеседник. – Вы правы, это и есть мы. Объединенные плоть и разум; если угодно – тела и души. В любой момент каждый из нас волен вырастить из общей биомассы индивидуальное тело и разорвать солитонно-волновой контакт.

– Но зачем вам это?!

– Разве в ваше время ученые не работают сообща?

– Да, конечно. Но...

– Вот и мы работаем в коллективе. Лабиринт – это исследовательская лаборатория. А «блевотина», как вы остроумно изволили выразиться, – коллектив сотрудников. В ваше время ученые, чтобы обменяться идеями, собирались в одном месте. В наше время они объединяются в общую биологическую структуру. Поверьте, это намного эффективнее.

«Эффективнее? – Огюст представил себя, растворенного в одной ванне с Кювье, Галуа и Фарадеем. – Кровь Христова! Мы бы такого набулькали! А потом приходят Якоби с Гауссом – и прыг к нам...»

– Над чем вы... э-э... работаете? – осторожно поинтересовался он.

– А вы уверены, что готовы услышать ответ? Боюсь, что нет. То, что вы видите, до сих пор вас шокирует. Значит, имеет место подсознательное отторжение, «футур-шок». Если я отвечу сейчас – вы можете понять меня превратно. Увы, имелись случаи...

На баррикадах было проще, подумал Шевалье. Взять бы ружье на изготовку, поставить хитроумного Переговорщика к ближайшей стенке и спросить в лоб: скрытничаете, гражданин потомок? Запираетесь? А ну-ка излагайте: что у вас в небе за черные ромбы летают? «Накопители душ», да? Зачем вам наши души? Для чего вы их копить собрались?

Так ведь не ответит. Растечется по стенке: стреляй, не стреляй...

– Ладно, буду привыкать. Как насчет более обширной экскурсии? Я ведь, кроме пальм, моря и этой вашей лаборатории, ничего не видел. Или у вас везде так?

– Ну что вы! Уверен, вам... понравится... – голос глаза слабел. – Адаптации это будет... способствовать... извините, мы вас теряем...

Дальнейшие слова утонули в вое бурана. Песок вздыбился, закручиваясь спиралью. Не песчинки – мириады шестиконечных снежинок роились вокруг Шевалье, складываясь в штопор Механизма Времени.

«Дурак я, дурак! – успел подумать молодой человек. – Надо было спросить: где жила в Петербурге осенью 1832-го баронесса Вальдек-Эрмоли! А вдруг сохранилось в архивах...»

Сцена третья Рисуй, Орловский, ночь и сечу!⁵

1

Зеленое стекло брызнуло во все стороны. Осколки, отрикошетив от прочной кладки, со звоном упали на пол. Аминь бутылке!

– Еще, панове?

Князь Волмонтович без особой спешки опустил руку с пистолетом. Оружие было чужим, непривычным; отдача эхом гуляла в плече. Двое, стоявшие у двери, – плечистый и худосочный, – переглянулись. Тот, что пожиже, кивнул, явно желая продолжения. Но его сосед внезапно хмыкнул и огладил пышные седые бакенбарды.

– Не стоит, пожалуй, – плечистый шагнул вперед. – Князь, ваше искусство выше всех похвал. Бардзо добже! Панове, самое время подняться наверх. Там тоже будут бутылки, но, слово чести, не пустые. Вы нас поразили, князь, только и мы вас удивим. Такого вина вы не пили нигде!

– Даже в Париже? – усомнился Волмонтович.

– Что Париж! В раю – и то не поднесут!

Усмехались полные, сочные губы. Ноздри большого породистого носа с наслаждением втягивали воздух, словно дышали теплыми ароматами Италии, а не сыростью промозглого Санкт-Петербурга. Взгляд глаз-вишен лучился радушием. Гости развлекали от чистого сердца, истинно по-шляхетски. Побились на саблях, бутылки пулями покрошили; теперь к вину приступим... Князю вспомнился Марко – лихой гайдук из его четы. Такой же был веселый и улыбчивый, душа-парень. И убивал со смаком, ухмыляясь и отпуская немудреные шутки. Времени хватало – жертвы Марко умирали долго, радуя и выдумщика, и благодарных зрителей.

Арам-баши Казимир Черные Очи пыток не одобрял. Запрещал, карой грозил; кое-кого избил в хлам за непокорство. Но разве за всем уследишь?

– А стреляете вы, князь, славно, ой, славно! У нас в отряде под Рацлавицами тоже один мастак был. За сто шагов гусар из седла вышибал. На траву валились – что твои тетерева!

Сухо поклонившись в ответ, Волмонтович в очередной раз пожалел, что ввязался в это темное дело. Никаких заслуг он за собой не числил. Пустая бутылка – не царский гусар. Если и была трудность, то в оружии. Молчун-слуга – глухонемой? – каждый раз подавал новый пистолет. Начал с дуэльных – тяжелых «кюхенрейтеров»; закончил седельными «туляками», из тех, что берут в дорогу опытные путешественники.

Может, в этом и задумка?

Стрелять многие умеют. А с незнакомым оружием совладать, всадить пулю без пристрелки – пусть не в человека, в бутылку – одного искусства мало. Тут чутье требуется. Пистолет не во всякой руке арию запоем.

– Милости прошу, ясновельможные! Интересно, князь, а вино вы сумеете на вкус распознать? Наверх и налево, пожалуйста! Ступеньки, ступеньки!..

Вообще-то хозяин дома в силу скромного происхождения не имел права звать гостя как равного – просто князем. Должен был титуловать с уважением: «ваше сиятельство». Дружескую фамильярность Волмонтович позволял немногим; например, полковнику Андерсу Эрстеду, сыну аптекаря.

Холера ясна! – что же, теперь позволить и сыну корчмаря?

⁵ «Бери свой быстрый карандаш, рисуй, Орловский, ночь и сечу!». А. Пушкин, «Руслан и Людмила».

Подумал князь, еще раз подумал, цыкнул на свой гонор – и решил не заострять вопрос. Куда уж острей? И так по бритве ходим.

Петербург он знал скверно. Невский проспект и соседние улицы – еще так-сяк. Но за серой, вечно угрюмой Невой для Волмонтовича начиналось Тридевятое королевство. Кажется, район назывался Каменный остров. Ничего особенного, только вместо многоэтажных громадин с безвкусной лепниной на фасадах – аккуратные домики среди жидких садов. Улицы, впрочем, остались прежними – ровными и прямыми, как шеренги солдат на параде в высочайшем присутствии.

Прав, сто раз прав Адам Мицкевич, ненавистник царской столицы! «Всё скучной поражает прямотой. В самих домах военный виден строй...»

– ...Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана,
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил Сатана.

То, что без пана Нечистого не обошлось, князь понял, когда карета, в которой его везли, остановилась возле скромного особняка. Дом как дом, копия соседей – желтая штукатурка, красная немецкая черепица, литая калитка из чугуна ведет в сад.

Зато хозяин – плечистый здоровяк с седыми бакенбардами...

Письмо Чарторыйского, привезенное князем из Парижа, было адресовано «Monsieur A.». В тексте также не фигурировало никаких имен. Предосторожность разумная, но Волмонтовича устно предупредили, с кем он будет иметь дело. Доверенным лицом «польского короля де-факто» в Северной Пальмире был человек, чье имя действительно начиналось на «А», – Александр Орловский. О нем князь слыхал, да и немудрено – «Monsieur A.» числился в людях известных.

Волмонтович даже подумал, что резиденту следует жить скромнее.

Сын корчмаря из провинциального Седлица, Орловский с юных лет возлюбил двух прекрасных панёнок – Живопись и Войну. С первой его свела княгиня Изабелла Чарторыйская, случайно увидав рисунки молодого Александра. Паренька отправили в Варшаву, в мастерскую Норблина, придворного живописца Чарторыйских. Там Орловский и познакомился с будущим «королем де-факто», князем Адамом. Учение шло успешно – пейзажи, натюрморты, верины. Но более всего начинающему живописцу нравились батальные работы – походы и сражения. Гусары в атаке, уланы с пиками наперевес, огонь бивачных костров. Он словно кликал панёнку Войну; манил о свидании, звал быстрыми взмахами свинцового карандаша...

Вызвал!

Война не стала томить верного поклонника. Над гибнущей Польшей ударил набат – Тадеуш Костюшко звал соотечественников под свои знамена.

Восстание!

Орловский поклонился нежной панне Живописи, поцеловал ей белые ручки – и сел на коня. Он стал уланом, как и сам Волмонтович двадцать лет спустя. Герой мчался на встречу со своей любовью. Панёнка Война улыбалась кавалеру сквозь пороховой дым.

– Уланы, уланы,
Малеванны дети,
Не одна панёнка
Попадет к вам в сети...

Под Рацлавицами уланы атаковали батарею пушек. Картечь ударила в упор – первый поцелуй возлюбленной. Орловский выжил, отплевался кровью; скрипнув зубами, перенес страшную весть о падении Варшавы и плене Костюшко. Прощай, свобода!

Польша, прощай!

От кандалов и Сибири спасло негласное заступничество покровителя – слово князя Чарторыйского тогда еще имело вес. С горя художник ушел в загул, скитался, пристал к трупне бродячего фокусника; затем опомнился, внял уговорам – переехал в Петербург, где возобновил роман с панной Живописью. Он по-прежнему рисовал уланов и гусар, сражения и бивуаки повстанцев, гордые лица полководцев. Романтизм входил в моду, рисунки шли нарасхват. Опекун художника Чарторыйский набирал силу, заведя дружбу с тезкой Орловского – цесаревичем Александром Павловичем, а также с его братом, великим князем Константином, «другом поляков».

Ходили слухи, будто сыновья императора поклялись на иконе Божьей Матери – восстанавить Польшу. Вот станет Александр императором, разберется с российским хаосом, даст крестьянам свободу...

Возлюбленные панёнки не обманули, щедро наградили своего рыцаря. Орловский стал знаменит, вышел в академики. Комнаты в Мраморном дворце, выставки, щедрые гонорары, восторги и хвалы. И панна Война была рядом – согревала жарким дыханием. Дважды поднималась Польша, пытаясь отвоевать утерянную свободу. Последний раз – недавно, в 1830-м. Чарторыйский уже тянул руку к древнему венцу Пястов...

Не сложилось.

Видать, мало молились поляки Черной Богородице Ченстоховской. Пали красно-белые знамена, загремели стальные кандалы. Вместо мечтателя Александра на русский престол воссел жестокосердный Николай. Пушками расчистил путь к власти. Великий князь Константин отсиживался в Варшаве, забыв все обещания, данные друзьям-полякам. А потом и его не стало – в разгар восстания холера забрала царского брата. Поговаривали, холера та была в больших чинах и при хорошей должности.

Слишком многим мешал цесаревич Константин.

После его смерти Орловский лишился службы и крова над головой. Шептались, что художник, мужчина в летах, серьезно болен. Князь Чарторыйский, отправляя Волмонтовича в Россию, особо просил справиться о здоровье «Monsieur A.».

Навести в Петербурге справки несложно. Услужливый половой в Демутовом трактире, куда Волмонтович заглянул на часок, сообщил, что «Орловский, который академик и рисует», тяжело захворал еще в мае, съехал с казенной квартиры и пропал. Вроде бы даже помер.

Где отпевали? – говорят, в костеле Святой Екатерины.

Где похоронили? – говорят, на Выборгском кладбище, где католики...

Если Сатана и не строил Петербург, то лапу когтистую определенно приложил. Возле чугунной калитки особняка на Каменном острове Волмонтовича встречал сам Александр Орловский. Ошибка исключалась – лицо художника-воина князь видел на портретах. Широкоплечий здоровяк с густыми бакенбардами, надо лбом взбит пышный кок; темные брови, пронзительный взгляд хищной птицы... Седины и морщин прибавилось – шестой десяток близился к завершению, – но о болезни не шло и речи. Более того, проводив гостя в маленькую залу, пан Александр предложил размяться по случаю холодного утра. Две сабли, старинные «корабелки», были уже приготовлены. Потом они спустились в подвал, и слуга выставил первую бутылку.

Ogień! Pierwszy... Drugi...

Огонь! Третья...

Расшибая беззащитные скляницы, Волмонтович прикидывал: следует ли спросить пана Орловского о панихиде и Выборгском кладбище? Рассудил: не стоит. Чарторыйский не ошибся

в старом друге. Кто станет следить за тяжело хворым, а тем паче – покойником? Знакомым же легко объяснить, что беспокоились они зря: на Выборгском похоронили другого Александра Орловского римско-католического исповедания. Имя и фамилия не редкие, спутать просто...

Задумка была хороша. Именно это и смутило. Александр Орловский дружил с Живописью и Войной. Казимир Волмонтович был не разлей вода с Вражьей Молодицей – той, что берет в плен храбрейших уланов. И отчетливо слышал ее шепот.

Ясновельможная панна Smierć гуляла рядом. Не поймешь, за кем пришла, по чью проклятую душу...

2

– «Асу», токайское. Если поставщик не врет, с самой Токай-горы.

– Этим вы меня не удивите, пан Орловский. – Волмонтович отставил бокал, не почувствовав вкуса. – У меня были кое-какие дела в Трансильвании. Там токай, даже наилучший – не редкость. Гордость Венгрии!

– России, пан Волмонтович, – уточнил пан Пупек. – Виноградник на склоне Токая куплен царем Петром больше века тому назад. Даже Токай под москалями.

На худосочного пана Пупека князь вначале и внимания не обратил. Принял если не за лакея, так за дворецкого. Немудрено – сам Пан Бог распорядился, чтобы пана Пупека в упор не замечали. Телом тощ, лицом неказист, голосом тих. Разве что фамилия завидная, без смеха не выговоришь. Господин Пупок, мелкая фитюлька рядом с грозным Орловским.

Только в зале, за вином, Волмонтович начал понимать, что не всяк пуп – прост.

– Европейцы слишком поздно замечают опасность, – вел далее пан со смешной фамилией. – Это, увы, традиция. Венгров они заметили, когда те уже обосновались в Моравии. И на монголов сперва поплеывали. Тогда им повезло, наши предки оказались молодцами, прикрыли от беды. А вот турки чуть не взяли Вену...

– И вновь наши подсобили, – хмыкнул Орловский. – Без короля Яна Собесского пропала бы Европа. Глядишь, до Парижа османы бы добежали. Прыткие, пся крев, что твои блохи!

Пан Пупек кивнул.

– С русскими та же история. Они-то уже брали Париж. И вновь Польша закрывает собой Европу от смертной беды. А французы с англичанами царю Николаю разве что дупу его августейшую не целуют... – Тихий голос окреп, вскипел яростью. – Видит Матка Боска! Все видит, Заступница!

Орловский встал, расправил плечи, сжал крепкие кулаки.

– Всю жизнь я посвятил борьбе за свободу Польши. Это не хвастовство, панове. На Суде Страшном мне есть чем оправдаться. Мы пробовали всё, что может изобрести разум, что подсказывали нам любовь и ненависть. Готовили рокоши и заговоры, интриговали, льстили, обольщали. Когда Наполеон взял Москву, на миг поверилось... Но мы проиграли все войны и все сражения. Не стану спрашивать – почему. Спрошу иное: как действовать дальше? Вас не зря прислали из Парижа, князь. Что нам делать?

Волмонтович почувствовал себя самозванцем, Отрепьевым, которого его гонимые предки пытались впихнуть на московский престол. От него ждут совета? Не скажет ли пан зацный, только что из Парижа, как нам матку Польшу из праха поднять?

– Я – армейский надпоручник, панове, – взвешивая каждое слово, начал князь. – Вам же нужен скорее фельдмаршал или гетман коронный. Могу лишь пересказать, что слышал от его милости Чарторыйского. Все он мне поведал или малый краешек открыл – судите сами.

Помолчал, собрался с мыслями.

– Наши друзья в Париже и Лондоне считают, что возрождение Польши возможно лишь после военного разгрома Российской империи. Для этого уже сейчас следует создавать основы

будущей коалиции – и широко пропагандировать наши идеи среди европейской общественности. Лозунг «Свобода Польше!» должен быть на слуху у каждого, кто считает себя цивилизованным человеком...

Да, именно так рассуждал «король де-факто». Да, Лондон и Париж приняли решение о подготовке всеевропейской войны против варварской России. Поляки в их раскладе – колесная спица, но спица острая. Борьба за Вольную Польшу объединит всех – и крикунов-революционеров, и пугливых либералов, и мудрых консерваторов. Невидимые колеса вертятся, невидимые часы отсчитывают время, оставшееся до первых залпов.

Чарторыйский сказал своему курьеру многое. Сам же Волмонтович не спешил откровенничать с новыми знакомыми. Об Орловском он по крайней мере наслышан, а вот невзрачный пан Пупек оставался загадкой. Мало ли? Лишним ушам ни к чему слышать о таинственном «Клабе», взявшем на себя координацию будущего похода, о планах создания «твердой власти» во Франции взамен скомпрометированного режима короля-гражданина, о козырной «турецкой карте», которую предстоит бросить на стол в решающий момент. Им, полякам, помогают – этого достаточно.

Кто помогает?

Само собой, иезуиты. У Черного Папежа к России нежная любовь. Не верите? Ну тогда масоны – эти всюду пролезут. Говорят, даже на Северном полюсе открыли для самых-самых избранных Арктическую ложу – «Полярная звезда» называется.

Вопросов, впрочем, не задавали. Орловский слушал, не пропуская ни звука. Глаза горели темным огнем, костяшки на сжатых кулаках побелели. Пан Пупек остался невозмутим, как манекен в модной лавке. Взгляд в мировое пространство, подбородок вздернут, словно панугрубияну приспичило харкнуть в лепной потолок. Безликий скучал. Студент университета забрел к школярам, постигающим азы наук. Дважды два – четыре...

Похоже, про закулисный «Клуб» он знал больше Волмонтовича.

– Подготовка займет лет пятнадцать-двадцать, – подвел князь итог. – Эти годы не должны пройти даром.

В ответ прозвучал тяжкий вздох.

– Пятнадцать? Двадцать? – Орловский провел широкой ладонью по лицу. – Не доживу, не увижу. Холера, жаль! Вы правы, князь. Время не терпит отлагательств. В письме говорится о посылке наших агентов в Киев, Вильно и Минск...

– И в Петербург, – уточнил пан Пупек.

Следовало лучше думать, соглашаясь на роль гонца, понял Волмонтович. Вражья Молодица, незримо стоявшая у стола, с одобрением кивнула, улыбнулась жарким ртом. Или ты, хлопец, думал, что меня минуешь? Ой, зря думал! От меня сам Калиостро не убежал со всеми его чудесами египетскими. А ты, надпоручник, считай, второй срок по земле ходишь.

Не жирно ли будет?

Накатил страх – такой, что смерти пуще. Собрал князь силы в единый узел, выдохнул:

– Захрестили мы смерть, захрестили старую,
До завтра, до послезавтра, до свитлого свята...

Беззвучно двигались губы, роняя слова древнего заклинания, прозрачные до немоты. Услыхал он их в детстве от бабки-ворожеи. Память у мальчонки, что грифель у Орловского, – ошибок не ведает. Не знал лишь маленький Казимир, что пригодится ему бабкино наследство – ой, пригодится!

– Смерть, выйди геть,
Выйди з нашего села...

Отпустило, хвала Пресвятой Деве. Собеседники ничего не заметили – задумались. За рубежом коалицию сколачивают, смерть Империи куют. А им чем заняться?

– Послал я двух верных парней в Малороссию, – заговорил Орловский. – По селам проехаться. Наречие хохляцкое им ведомо, за поляков не примут. Послушают, о чем хлопы толкуют, да и прикинут: можно ли тех хлопов на рокош против царя поднять? «За нашу и вашу свободу!» – такие слова дорогого стоят. Отняли москали у хохлов вольности казачьи, на панцину погнажи. Есть у меня один сорви-голова на примете – Устим Кармалюк из-под Каменца. Заризыка, из Сибири сбежал, кандалы порвал. Таких бы Кармалюков с дюжину!..

– Этого мало! Мало!

Умолк вояка-художник. Пан Пупек же сверкнул ледяным глазом. Куда только скука девалась?

– Панове! Европейская или нет, война нам не поможет. Наполеон уже брал Москву – и что? Мы тоже приходили в Москву двести лет назад, сажая на русский трон Владислава Вазу. Мы были сильнее, грамотнее, богаче. Но победили не мы – и не круль Бонапарт. Не пора ли сделать выводы?

Он оглядел присутствующих, ожидая ответа.

– «Не ходи на Москву!» – Волмонтович отпил еще глоток токайского. – Карл Клаузевиц сказал, что в Книге Войны эту заповедь должно записать на первой странице. Россию следует бить на окраинах, чтобы хлопы-рекруты не понимали, зачем царь их туда послал. А еще лучше за границей, под Аустерлицем или Фридрихсборгом...

...Или в Турции, подумал он. Под Карсом и Плевной, среди голых холмов, где хорошо живется лишь холере. Но про «турецкую карту» решил пока молчать.

– Именно так, – согласился пан Пупек. – Вы правы. Нельзя делать русских жертвами и героями, нельзя будить народ. Героями и жертвами должны быть мы, поляки. Пока москаль спит, Империя не страшна. Дряхлые мушкетеры, парусные фрегаты; уральские заводы поставлены еще при Петре. Империя – не народ! – не выдержит напора, если сюда придет Европа. Удар по Финляндии, освобождение Польши, высадка в Крыму, на Камчатке; бунт в Малороссии и в Белой Руси... Надо отбросить Империю в Азию, оставив наедине с кочевыми ордами. И это можно сделать, панове!

Был пан скучен, стал страшен. Ликом прежний, голосом – тот же, а приглядишься, и дрожь по хребту. В Трансильвании князь точно бы уверился – упырь, мертвяк без погребения.

Чур меня, чур!

– Россия идет вперед семимильными шагами, – вел дальше пан Пупек, нимало о своем упырьстве не подозревая. – Заложены на верфях первые пароходы. Принято решение о строительстве железных дорог. Со всей Европы сманивают лучших специалистов. Я уже не говорю о школах и университетах. На днях состоится открытие филиала Общества по распространению естествознания. «Свадебным генералом» приглашен ученый варяг, брат самого Эрстеда. Через двадцать лет Россия станет закованным в сталь монстром...

– Не станет.

Все как есть переменялось. Пан Пупек только что не горит и пар из ушей не пускает. Орловский же спокоен и тверд, будто сталь.

– К нашему великому счастью, панове, – не станет. При царе Петре страна разделилась на новых и старых. Последних – море, первых – горсть. Большинству русских не нужны пароходы и научные общества. Они их ненавидят. На что православная церковь послушна трону, но и она выступает против школ. Александр Пушкин, мой хороший друг, как-то сказал: правительство – единственный европеец в России. Он ошибся – министры с фельдмаршалами тоже не желают перемен. Сегодня построят завод, а завтра придется освобождать хлопов, чтобы было кому работать на том заводе...

Художник оправил фрак. Жестом остановил пана Пупека: я не закончил!

– Не правительство опасно. И даже не ужасный шут Бенкендорф с его жандармами. Только один человек способен вести Россию в Европу – и против Европы. Он велит строить пароходы, приглашать ученых и открывать секретные лаборатории. Не делай он этого – Россия оставалась бы сонным ленивым медведем. Без него страна остановится. Преемник молод, а родичи слабы и враждуют...

– Чтобы погубить корабль, не обязательно брать его на abordаж, – поразмыслив, согласился пан Пупек. – Достаточно выбросить за борт капитана.

– А знаете, панове, – Волмонтович глянул на бутылку с токайским, словно хотел пальнуть по ней из пистолета. – Был у меня приятель, ротмистр Джигунский. Занесло его как-то под Аустерлиц, на высоты Праттена. Москалей там крепко потрепали, это всем известно. Но не все знают, что царь Александр в тот день едва не угодил в плен. Его отбили казаки, хотя Джигунский, если верить ротмистру, уже держал пана царя за ворот. Я спросил, отчего он Александра не зарубил, раз уж в полон взять не удалось. А ротмистр губу кривит: «Кому он, царишка, нужен? Рубить всяких...»

– Александр нам не мешал, – рассмеялся Орловский. – Он был нерешительней пана Гамлета, на нем играли, как на флейте, все, кому не лень. С таким царем можно было спокойно готовить воскрешение Польши. Его брат Константин нам даже помогал. Проживи он чуть дольше – кто знает? Но этот, нынешний...

Называть вслух имя не требовалось. Палача и губителя Отчизны знал каждый поляк – и каждый проклинал. Боже, покарай *kgwawu pies*, царя Николая! Матка Боска, отвернись на миг!

– Смерть тирану!

В три голоса выдохнули – дружно, страшно.

Вражья Молодица, четвертая в компании, равнодушно кивнула. Отчего бы и нет? В ее хороводе каждому найдется место, будь ты хоть царь, хоть пастух, хоть уланский надпоручник.

– Погодите! – опомнился Волмонтович. – Командование повстанцев в 1830 году запретило всякие покушения. Если *русского* царя убьет *поляк*... Николай станет мучеником! Начнется священная война, нам не простят его кровь и через тысячу лет. Мы не сумеем прикончить каждого москаля!

– Увы, – не без сожаления согласился пан Пупек. – Но почему обязательно поляк, дорогой князь? Император Петр Федорович, дед нынешнего, поссорился с датчанами, а убила беднягу собственная жена. Царя Павла, врага Британии, помог отправить на тот свет душка-царевич Александр. Наши друзья-декабристы были в шаге от успеха, если бы Булатович не струсил... Кто сейчас остался из царской родни?

Художник качнул седой головой:

– Мать-императрица, брат Михаил, дети... Не выйдет, панове. Бояре нынешние не чета прежним. Немцы, остзейцы – вот кто стоит у трона. Швабы не предадут. А посылать наемника опасно – раскопают...

– И закопают, – вздохнул Волмонтович. – Нас вместе с Польшей. Родина – заложница, панове. Поэтому тиран и не боится. Говорят, он ездит с малой охраной...

– Чаще вообще без охраны. – Орловский дернул себя за пышную бакенбарду. – Лишь с фельдгегерем или с тем же Бенкендорфом. Что же выходит? Поляк его убить не должен, русский – та же история; за каждым иностранцем – слежка... Тут лишь Пан Бог способен помочь.

– Решено, – не стал спорить пан Пупек. – Тирана убьет Бог. Согласны?

– Бог?!

Волмонтович решил, что ослышался.

– Вы имеете в виду несчастный случай?

– Подпилить опоры моста? – Орловский развеселился, чуть в пляс не пошел. – Дорогой князь! Все это уже проделывали без нас. И что в итоге? Царь благополучно уцелел, а дюжина тех, кого назначили виновными, отправилась за Акатуй. Русские правы, считая, что у каждого несчастного случая есть фамилия, имя и отчество. Так нас разоблачат еще вернее, чем если бы мы наняли итальянского bravo.

– Но есть случаи иные.

Пан Пупек дернул уголками рта, давая понять, что он в добром гуморе.

– Представьте, князь, что с небес упадет метеорит – прямо на темечко его величества. Да-да, метеорит, существование которых наука наконец признала. Что в итоге? Тиран мертв, а его опричники даже не знают, как объявить народу. Русские суеверны, для них метеорит – Божья кара. Государь согрешил, и Господь лично прибрал мерзавца. Значит, факт такой смерти скорее всего скроют. Геморроидальные колики, как у императора Петра Федоровича; апоплексический удар, как у его сына... Но слухи пойдут, и мы получим кроме смерти врага – осуждение всей его политики. Преемнику, юному Александру, придется с этим считаться, не так ли?

– Погодите! – Волмонтович залпом допил вино. – Вы способны вызвать метеорит из мирового эфира?

– Железный? Да! – расхохотался Орловский. – С помощью очень-очень большого магнита. Князь! Пан Пупек упомянул небесного гостя в качестве примера. Есть иные Божьи кары, не менее грозные. Как карают грешников?

– Молнией, допустим.

– Именно. Если вы задержитесь в Петербурге, мы вам продемонстрируем нашу – верней, Божью – молнию.

Казимир Волмонтович молчал. Не только из-за Вражьей Молодицы – умирал, убивал, всяко бывало. Но эти двое втягивали в кровавое дело самого Творца. Пусть лишь фигурой речи, не всерьез. Хотя отчего же? «Не поминай имени Господа Бога твоего всуе». Третья Заповедь, Синайская Скрижаль...

Заговорщики не слишком почитали Завет: и Ветхий, и Новый.

Сцена четвертая Часовщик и его голова

1

Над лестницей, ведущей наверх, парил ангел.

Задумчив, он распростер крылья, словно хотел обнять каждого посетителя. Закутать в пуховую метель, спасти от бед; не наставить – отнести на путь истинный, баюкая, как любимое дитя. В правой руке ангел держал валторну. Держи он трубу, и Апокалипсиса не миновать. А валторна – милое дело, мир во человецех.

Сбросив пальто на руки служителю, Эрстед залюбовался крылатым. Магниты, понял он. Не скрытые нити, не обман зеркал – магниты и металл, из которого ангел сотворен. Сколько же лет надо было искать точку приложения сил? Подбирать вес статуи, исполненной в человеческий рост; экспериментировать, раз за разом, уподобясь Саваофу, карающему Люцифера, ронять посланца небес на грешную землю – головой вниз, кубарем по ступенькам...

Год? Пять? Десять?!

– Позвольте ваш цилиндр, сударь...

– Что? Да, конечно...

Служитель, кланяясь, принял цилиндр. Его не смутило, что посетитель, увлечен зрелищем, ответил на немецком. За шесть лет кто только не перебивал в «Храме очарования»! – сперва на Большой Мещанской, а позже, когда возникла нужда в более просторном помещении, на Невском проспекте, в доме баронессы Энгельгардт.

Поднявшись по ступенькам, устланным багрово-рдяным ковром, на верхнюю площадку, Эрстед вздрогнул от неожиданности. Едва нога коснулась белого, с прожилками, мрамора, как ангел зашевелился. По золоченому телу метнулись блики. Еле заметно подрагивая крыльями, он поднес валторну ко рту. Металлические пальцы обласкали инструмент – с точностью, достойной виртуоза-музыканта.

«Увертюра к «Вильгельму Теллю», – узнал Эрстед по первым тактам мелодии. – Фокусник любит Россини? Забавный выбор...» Охотничья тема наводила на размышления.

Кто здесь ловец, кто добыча?

Когда он вошел в демонстрационный зал, там уже сидели десять посетителей. Затаив дыхание, они озирались по сторонам. Дамы ахали от восторга, мужчины вели себя сдержанней, показывая, что им ничего не в диковинку. Лишь плотно сжатые губы и блеск глаз выдавали возбуждение. Сам по себе зал был невелик, но система зеркал на стенах превращала его в новое чудо света. Ощущение безграничной, уводящей вдаль анфилады усиливали кубки и вазы, расставленные повсюду с особым смыслом. Их отражения, множась, создавали иллюзию музейной выставки – бронза, фарфор, витые ручки...

Собравшиеся, словно по команде, уставились на Эрстеда. Особенно усердствовал суровый господин в мундире профессора Академии художеств – с золотым шитьем по обшлагам и воротнику. Выпучив глаза, профессор аж вспотел от напряжения. Все чего-то ждали, затаив дыхание. Сделав шаг за порог, датчанин понял – чего именно. По обе стороны от входной двери стояли два лакея-великана. Приветствуя нового гостя, они склонили головы, и холодок пробежал по спине Эрстеда.

Лакеи были куклами.

Он не вскрикнул, к общему разочарованию. Хотя, проходя дальше, не мог избавиться от чувства, что куклы смотрят ему в спину – живыми, уставшими от ежедневной маелы взглядами. Взяв бокал шампанского с подноса, который предложил ему слуга-арап, Эрстед пригу-

бил вино и сделал вид, будто с интересом изучает зал. Арап не уходил: крутился вокруг, ловко вертел подносом. Кучерявый, губастый, он лоснился, как наваксенный сапог. Сделав неудачный пируэт, слуга поскользнулся на полу, натертом воском. Никого, к счастью, не задев и не обрызгав, бокалы улетели в дальний угол.

– Ах ты, мерзавец!

Кричал старичок – мелкий и седенький. Гневаясь, он топал ногами, словно ребенок. Не дождавшись от подлеца-арапа извинений, старичок сунул руку за отворот сюртука и выхватил пистолет. «Это дурная шутка», – подумал Эрстед, машинально отступая подальше от слуги. В ту же секунду грохнул выстрел. Дамы завизжали, самая нервная упала в обморок, подхвачена суровым профессором...

Глаз у старичка был верен, а рука тверда, как у отставного военного. По ливрее арапа расплзлось кровавое пятно. Захрипев, слуга упал на колени, а там и лег ничком. Короткая судорога, и тело замерло. Из-под трупа текла красная струйка.

– О Боже!

– Да что же это?.. маменька, мне дурно...

– Врача!

– Полицию!

– Не извольте беспокоиться, господа! – старичок спрятал пистолет. – Сию минуту воскресим...

Мелким бесом он подскочил к покойнику.

– Вставай, хамово племя!

Не дождавшись ответа, старичок пнул мертвеца в бок:

– Вставай, кому сказано!

Повинуясь, арап стал медленно подниматься на ноги. Рот его был оскален, снежно-белые зубы сверкали жемчугом. Двигался слуга рывками. Постепенно жесты его вновь становились естественными. Пятно крови никуда не делось, но теперь все отчетливо видели, что арап – не человек.

Автомат, на манер «маленького турка» Пинетти.

– Bravo, – в наступившей тишине, такой густой, что ее можно было резать, как масло, сказал Эрстед. – Bravo, мэтр Гамулецкий! Я восхищен, честное слово...

Старичок раскланялся, блестя озорными глазками.

– Вы отлично стреляете, – добавил Эрстед.

Он ясно видел дырку от пули на ливрее автоматического арапа. В «Храме очарования» все что угодно грозило оказаться иллюзией. Но эта дырка была подлинной. Если ты видел столько ранений, что иному хватило бы на пять жизней, ошибка исключалась.

– Мой отец, Марк Гамулецкий, – фокусник с гордостью подбоченился: ни дать, ни взять, герой-воробышек, – служил в прусской армии. В чине полковника, знаете ли. Пистолет – моя первая игрушка в детстве. Я починил сломанный замок «жилетника» в пять лет.

И Андерсу Эрстеду, полковнику Черного Ольденбургского полка, стало ясно, что Антон Маркович Гамулецкий никогда не воевал.

2

Дальнейшие чудеса были восхитительны. Никто из посетителей не пожалел, что выложил за вход четвертной ассигнациями – билет в ложу Александринки (на премьеру «Елены Прекрасной», да-с!) стоил пятью рублями дешевле. Купидон, точивший стрелу, привел дам в экзальтацию. Амур, взлетев из вазы, окончательно добил прекрасных зрительниц. Луку амур предпочитал арфу, ловко брэнча мотивчик из фривольного водевиля.

– Ах!

– О-о-о!

– Чудо!

Часы отбивали время, повинаясь приказам гостей. На зеркальном столике танцевали бумажные фигурки. Механический кот мяукал из угла. Механическая змея, шипя, ползала между ножек стульев. Механический петух кричал зарю. Карточный пасьянс раскладывался сам собой и, что удивительней всего, каждый раз сходился.

– Маменька, смотрите!

– Всякое видел, Евграф Алексеевич. Но такого...

– Charmante!

Голова чародея, отделанная под бронзу, отвечала на вопросы. В голове без труда узнавался создатель «Храма очарования». Приплясывая рядом, словно бодрый труп, вставший после гильотины, мэтр Гамулецкий уговаривал почтенную публику спрашивать еще.

Заинтересовавшись, Эрстед спросил у головы по-немецки: какова формулировка закона Бойля – Мариотта? Голова ответила без запинки, с чудесным берлинским произношением. Тогда Эрстед перешел на французский: каковы же отклонения от сего закона? Голова, не чинясь, стала перечислять отклонения, щеголяя парижским выговором.

В ответах легко узнавались результаты исследований академика Эрстеда-старшего.

– Достаточно!

– Спросите у нее, будет ли война с турком!

– Фи, как скучно!

– Маменька, велите ей сказать: идет ли мне шаль...

Едва уговорив собравшихся потерпеть, Эрстед предпринял еще один эксперимент. С разрешения фокусника он взял голову и перенес ее к зеркальному столику, где установил рядом с бумажными танцорами. Во время переноски голова без умолку болтала на шести языках. Обождав, пока «чародей» сделает паузу, датчанин спросил:

– Что говорил о науке Конфуций?

Вопрос был задан по-китайски.

С минуту голова молчала. Зрители ждали, не мешая. Ни слова не поняв в вопросе, гости тем не менее искренне радовались посрамлению фокусника. Так толпа в цирке с замиранием сердца ждет падения канатоходца.

– Маменька, она умерла?

– Жива... моргает!..

– Тот, кто учится, не размышляя, – с ехидцей прервала молчание голова, – впадет в заблуждение. Тот, кто размышляет, не желая учиться, окажется в затруднении. Добавлю от себя: достойный муж не видит чести в посрамлении собеседника.

Окажись здесь отец Аввакум из пекинской миссии, он опознал бы фуцзяньский диалект. Впрочем, «чародей» повторил свой ответ и по-русски: для общего вразумления.

Еще полчаса восторга, и публика, возбужденно гомоня, покинула зал. Эрстед задержался. Оставшись с фокусником наедине, он дождался, пока старичок отсмеется. По щекам Гамулецкого текли слезы, он радовался, как ребенок. Неизвестно, всякий ли раз он хохотал, едва зрители уходили. Над кем смеялся фокусник, также осталось загадкой. Но Эрстед не чувствовал ни малейшей обиды.

Смех Гамулецкого был заразителен и простодушен.

– Ваше искусство выше любых похвал, – наконец сказал Эрстед по-немецки. – Нет, я предполагал, что увижу высокое мастерство... Но вы просто покорили меня.

– Пустяки, – отмахнулся фокусник. – Любой хороший механик...

– Не любой. Отнюдь не любой. Замечу, что вы во всем превзошли своего учителя. Давний спор завершился, как по мне, полной вашей победой. То, что я увидел...

Старичок оставил веселье. Черные слезящиеся глазки внимательно уставились на гостя. Чувствовалась в Гамулецком скрытая пружина. Даже когда он стоял на месте, а это с мэтром случалось редко, все казалось: вот-вот он подпрыгнет, хлопнет в ладоши и отчебучит лихую шутку.

– Учитель? – спросил Гамулецкий по-русски. – Кого вы имеете в виду, Андерс Христианович? Кемпелена с его «шахматистом»? Пинетти? Вокансона? Семейство Жаке-Дроздов? Вы уж объяснитесь, голубчик, уважьте старика...

Датчанин не помнил, чтобы сообщал фокуснику имя своего отца.

– Я имею в виду Калиостро, – он тоже перешел на русский, желая попрактиковаться. – Насколько я знаю, Антон Маркович, вы были в числе его последователей. Варшавский кружок, да?

– Насколько вы знаете... – задумчиво повторил Гамулецкий. – А насколько вы это можете знать, Андерс Христианович? Варшава, милая Варшава... Когда я вступил в «Египетскую ложу», вам, голубчик, полагаю, было годика два, не больше. Когда же я последовал за Калиостро в Париж, вам исполнилось семь. Что-то я не припомню в нашем окружении столь молодых людей...

Зеркала на стенах вдруг проявили странный характер. Создавая иллюзию пространства, они отражали все: кубки, вазы, стулья, столы, «воскрешенного» арапа, стоявшего без движения... В анфиладе залов не было одного – людей. По идее, десятка два Гамулецких беседовали бы сейчас с двадцатью Эрстедами, когда б не упрямый норов зазеркалья.

Там и раньше никто не отражался, вспомнил датчанин. Только куклы, не люди. Как же он это делает?

– О вас и Калиостро мне рассказывал барон фон Книгге.

– Филон? – фокусник назвал фон Книгге старым иллюминатским прозвищем. – Охотно верю, голубчик. Ваш барон отличался редкой болтливостью. Он всем рассказывал про всех и ухитрялся извлекать из этого сугубую пользу. Обычно это приводит к неприятностям, но не у Филона. И что же он вам поведал о нас с Калиостро?

Последняя фраза была произнесена с нескрываемой иронией. Ему восемьдесят лет, подумал Эрстед. Святой Кнуд! – ему восемьдесят лет, и он бодр, как юноша. В Варшаве Калиостро торговал «эликсиром молодости»... Нет, это невозможно!

– Фон Книгге утверждал, что вы поссорились с его сиятельством, – на иронию датчанин ответил иронией, помня, что графским титулом Калиостро наградил себя сам, желая ни в чем не уступать конкуренту, графу Сен-Жермену. – Дескать, вы побились об заклад, что повторите все кунштюки мага, не прибегая к египетской лжи и дурно пахнущей трисмегистике. Механика, физика и толика ума. Маг обиделся и предрек вам поражение. По словам фон Книгге выходило, что Калиостро даже в тюрьме Сан-Лео, больной и сопротивляющийся яду, сохранил величие духа...

– А я? – расхохотался Гамулецкий. – Я, значит, на свободе и не сохранил?

– Прошу извинить меня, мэтр. Барон сказал, что вы – часовщик.

– Этим он желал оскорбить меня? Ах, Филон, Филон...

Эрстед почувствовал, как холодок бежит у него по спине. Он ясно видел, что Гамулецкий не произнес ни слова. Сокрушенный вздох «Ах, Филон...» раздался у датчанина за спиной. Обернувшись, Эрстед заметил, как шевелятся ярко-красные губы у головы «чародея», забытой на зеркальном столике. Бледность воскового лица, повторяющего черты фокусника, оттенялась зеленой, как свежая трава, чалмой.

– Да, я часовщик, – продолжила голова, не смущаясь вмешательством в чужую беседу. – Но я – превосходный часовщик. Желаете послушать мою кукушку? Гните угол,⁶ и добро пожаловать! Шестеренки, колесики, рычаги, и никаких, прости Господи, магистериев...⁷

«Чародей», в отличие от живого Гамулецкого, был брюзгой и циником.

– Хотите чаю? – погрозив голове пальцем, фокусник сменил тему разговора. – Никита! Чаю нам в залу...

Обращаясь к лакею-невидимке, он не повысил голоса. Но Эрстед не сомневался, что таинственный Никита явится без промедления, как джинн, вызванный из медной лампы, и принесет все необходимое. В ожидании чая Гамулецкий вприпрыжку расхаживал от стены к стене, забыв о собеседнике. Датчанин не мешал ему. Наблюдая за старичком, похожим на птицу в поисках крошки хлеба, Эрстед вспоминал давний разговор с фон Книгге. В те дни они уже успели поссориться из-за Месмера, чье «пагубное» влияние отдалило ученика от учителя. Но полный разрыв маячил впереди.

В истории, рассказанной Эминентом, крылся намек. Близость, а позже – ссора Калиостро и Гамулецкого во многом повторяла историю отношений фон Книгге и Эрстеда.

– Часовщик, – ворчала голова, пока Никита, бородатый детина в ливрее, войдя в зал, расставлял на втором столике чашки, блюда и пузатый самоварчик. Болтовня головы лакея не беспокоила: видимо, привык. – А кто тогда Калиостро? Аптекарь? Вот ваш батюшка, Андерс Христианович, он был аптекарь, и знатный аптекарь. Небось не прописывал «халдейскую жижицу» вместо пилюль от запора...

Фокусник хихикал. Обида головы его забавляла.

– Десять лет, милостивый государь мой! Десять лет я трудился, чтобы найти точку и вес магнита и железа, дабы удержать ангела в воздухе. Помимо трудов немало и средств употребил я на это чудо. Часовщик...

– Хватит! – прикрикнул фокусник. – Постыдись!

– Нечего мне стыдиться, – огрызнулась голова. – Пусть враги мои стыдятся...

И умолкла.

– Присаживайтесь, голубчик, – Гамулецкий энергично взмахнул рукой. Так предлагают бежать наперегонки, а не чаевничать. – Никита с китайской травкой «на ты». Заварит лучше, чем в Пекине. Вы бывали в Пекине?

– Бывал, – Эрстед присел к столу.

– Вот и расскажете старику, каковы нынче мандарины...

3

Петербург – не Пекин, даром что оба – северные столицы. Зеленому чаю здесь предпочитали черный. Как с первой минуты заявил фокусник: «Черные чаи по натуре и по образу приготовления здоровее для русского сердца!» И налил гостю полную чашку – не в пример китайским малюткам, рассчитанную на голиафа.

Никита расстарался на славу. Лоснились поджаристые бока калачиков. На особом блюде лежал колотый сахар. Блестя зеленой горкой, манило крыжовенное варенье. Эрстед кинул в рот кисло-сладкую ягодку и зажмурился.

Вкус был божественный.

– Брали у Аничкова моста, в лавке купца Белкова, – рассказывал Гамулецкий, вспотев, словно от долгого бега. Щеки и лоб он промокал клетчатым платком, огромным, как полковое

⁶ Угол – так называли двадцать пять рублей.

⁷ Магистерий – философский камень.

знамя. – Цыбик⁸ чаю, прости Господи, в пятьсот рублей встал. Рассыпали его, вышло шестьдесят фунтов. Жить можно, отчего не жить...

– Можно, – поддакивал Эрстед, косясь на молчаливую голову.

Ей фокусник чаю не предложил.

– Китайцы-хитрованы красят чай прусской синькой. Травят нашего брата. Тут глаз да глаз нужен: смотри, что берешь...

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем синькой красят?

– А для красоты, – уверенно заявил фокусник. – Народ копеечку за пользу платит, а гривенник – за красоту! Ради барыша родимую мамку в эфиопа разрисуешь...

И вновь сменил тему, будто маску скинул:

– У меня к вам, Андерс Христианович, просьба есть. Вы, насколько мне известно, в химической науке zelo сведущи. И явились к нам по приглашению Технологического института. А я с Технологическим давно вот так...

Он ударил пальцем о палец, показывая, как близко сошелся с институтом.

– Государь наш намерен вскоре обнародовать «Положение о Корпусе горных инженеров». А это значит, что при институте будет учреждена Горная школа. Наберут детей чиновников, рожденных не во дворянстве, главнейшим образом из заводских нижних чинов и мастеровых. И станут растить кондукторов для службы по механическо-строительной части. Спробуйте, на кой им я зандобился, а того паче, вы, голубчик? Так я отвечу, не чинясь...

Блестя молодыми зубами, Гамулецкий схрупал кусок сахара.

– Взрывчатка, милостивый государь мой. Самое оно – хоть для горного дела, хоть для производства веселых фокусов! Я в таких вещах кое-что смыслю. Порох – старье, пустая забава. Мы с вашим почтенным братом давно в переписке на сей счет состоим. И вот сподобился: пишет мне академик Эрстед, дай ему Бог всяческого здоровья, про хитрую штуку – ксилоидин. Дескать, ему помощник из Парижа все подробно отписал: что да как. Опыты профессоров Браконно и Пелуза – в изложении юного медика, господина Собреро. Ну, я – калач тертый, мне любого черта рукой потрогать надо. Проверил в мастерской...

Эрстед слушал с интересом. Он не знал, что Торвен отослал брату рецепт новой взрывчатки. «Пожалуй, – усмехнулся он, – наш хромой юнкер и в аду исхитрится отправить в Копенгаген чертежи дьявольских котлов. По серному телеграфу...»

– Славная штука, – продолжал меж тем фокусник. – Горит лучше пороха. Жаль, нестойкая. Думал повозиться, к делу приспособить, а тут вы, голубчик... Не поможете старику? Ваш-то опыт, да к моим забавам... Великое дело сотворим!

– Посрамим Калиостро? – не удержался Эрстед.

Гамулецкий замолчал. Сейчас он выглядел на все свои восемьдесят. Это не походило ни на дряхлость, ни на болезнь. Из фокусника будто вынули пружину, как из бесенка, спрятанного в табакерке. По-прежнему бодрый и румяный, он вдруг сделался человеком прошлого века. Стена времени встала между полковником Эрстедом и коллежским регистратором⁹ Гамулецким – учеником барона фон Книгте и учеником графа Калиостро, – разделив их явственной тюремной решеткой.

– До сорока лет, – отставив чашку, сказал фокусник, – я вел жизнь довольно рассеянную и не всегда правильную. Обладая некоторыми средствами, я мог себе это позволить. Если что-

⁸ Цыбик – ящик с чаем, от сорока до восьмидесяти фунтов.

⁹ Коллежский регистратор – младший гражданский чин 14-го класса. Антон Гамулецкий в этом чине вышел в отставку в 1808 году

то и было в моей молодости хорошего, так это знакомство с Джузеппе Бальзамо.¹⁰ Для людей я – ничуть не меньший мошенник, чем он. Поверьте, голубчик, это так...

Эрстед улыбнулся.

– Позвольте вам не поверить, Антон Маркович. Я все-таки различаю ученого и шарлатана. Инженера и авантюриста. Или, если угодно, физика и колдуна.

– У вас слабое зрение, – ответил Гамулецкий. – Вот я голубчик, никогда не нуждался в очках. Колдовство – это непонятная для зевак физика. А физика – колдовство, объясненное профессорами. В моем споре с Калиостро мы оба проиграли. Спор – это всегда проигрыш. А уж война – всегда поражение. Даже если одного спорщика задушил в тюрьме надзиратель, а второй открыл «Храм очарования» для забавы почтенной публики.

– Ты не часовщик, – буркнула голова чародея, о которой Эрстед успел забыть. – Ты баснописец. Тебе бы, Антоша, мораль под ослов с мартышками подводить. Осел был самых честных правил...

Старичок хмыкнул и взял калачик.

¹⁰ Настоящее имя графа Калиостро. Красивую фамилию Калиостро он присвоил сам, взяв ее у своей покойной тетки Винченцы Калиостро.

Сцена пятая Случай шаток, опыт обманчив

1

– Не пора ли спать, дитя мое? – спросил Эминент.

Долговязый, нескладный в ночной сорочке из батиста, смешной в ночном колпаке, натянутом на лоб, он топтался в дверях. Ни дать, ни взять, пожилой, обремененный заботами супруг явился к молоденькой женошке, рассчитывая, что этой ночью к нему придет кураж – и все получится наилучшим образом.

Спектакль разыгрывался для единственного зрителя – Бригиды.

Сидя у трюмо, полураздетая, она хорошо видела фон Книгге в зеркале. Глаза-льдинки, утиный нос, треугольник подбородка. За поведением «благородного отца» из водевиля скрывался опытный доброжелатель и надежный покровитель. Эминент действительно покровительствовал ей – как считал нужным; и желал добра – в его понимании.

Сейчас он явился без стука, ненавязчиво давая понять: кто в доме хозяин. Зачем он снял не квартиру, а целый особняк на одной из самых дорогих улиц Петербурга, Бригида не знала. Где поселились Бейтс и Ури, она тоже не знала. И откуда в доме взялась прислуга – молчаливая, два-три слова по-немецки, не более, – нет, не знала и знать не хотела.

Действия *хозяина* не обсуждались.

– Ты очень красива, – он сказал это без тени чувства, спокойно, будто обсуждал дорогую коллекционную вазу. – Тебе не надо чернить волосы настоем грецкого ореха. Ни к чему рисовать жилки на висках, чтобы оттенить бледность кожи. Незачем красить губы. В мое время любили пышечек, нынче в цене чахоточные. Ты хороша вне гримас моды. Я рад, что ты не отказала мне в этой поездке.

«Как будто я могла!» – молча воскликнула Бригида.

Словно подслушав, Эминент улыбнулся:

– Один человек как-то сказал, что моя любовь слишком требовательна. Дескать, я творю благодеяния с расчетливостью механизма. Не прощаю отказов. И без стеснений беру слишком большую плату. Что ж, допускаю, частично он прав. Но никто не упрекнет меня, что я дарю неполной мерой. Время идти в постель, дитя мое. Воистину сегодня ты прелестней, чем в день нашей первой встречи. Помнишь?

Баронесса кивнула, вставая с пуфа.

По странной прихоти судьбы впервые они встретились там же, где Бригида в первый раз увидела своего будущего мужа, барона Вальдек-Эрмоли, – в Вене, на приеме у князя Меттерниха. После приема был дан бал. Кружились пары, оркестр играл «Deutsch Waltzen», только начавший входить в моду, и сплетники по углам танцевальной залы хихикали, передавая друг другу слова Байрона – в гневе, увидев собственную жену, осмелившуюся на вальс с другим мужчиной, лорд воскликнул:

– О Боже! Здоровенный джентльмен, как гусар, раскачивается с дамой, будто на качелях! При этом они вертятся, подобно двум майским жукам, насаженным на одно шило...

Обычно Эминент не танцевал. Но юная полячка была восхитительна. Раскрасневшись, смеясь, отдаваясь вальсу в объятиях человека много старше ее самой, которого вскоре назовет супругом перед Господом и людьми – чтобы однажды превратить его в самоубийственный, хохочущий перед смертью костер, – Бригида зажгла огонь в давно остывшем сердце фон Книгге.

«Вы не откажете мне, мадмуазель?»

«Вам часто отказывают, мсье?»

«Никогда».

«Самонадеянный ответ. Хорошо, не буду нарушать традицию...»

Единственный танец, и они расстались.

Второй раз они встретились в Страсбурге, в местном соборе Нотр-Дам. Бригида, недавно овдовев, стояла у знаменитого «Столба Ангелов», молча глядя на изображение Страшного суда. Ни говоря ни слова, Эминент встал рядом.

Из собора они ушли вдвоем.

Крепка, как смерть, любовь, и стрелы ее – стрелы огненные. Фон Книгге разучился любить. Да и чувство это в его понимании могло бы поразить, если не ужаснуть того смельчака, кто рискнул бы заглянуть в душу бывшего Рыцаря Лебеда. Но целый день и целую ночь Эминент провел так, словно еще ни разу не умирал. Голодная после смерти мужа, Бригида с легкостью приняла его ухаживания. Они много говорили – верней, как было принято у престелстной вдовы, говорил только мужчина.

Проклятье! Фон Книгге даже не принял во внимание странности ореола вокруг собеседницы. Всматриваться? изучать? делать выводы? – нет! Не сейчас! Ему хотелось жизни, обыденности, банальностей, если угодно, и все, что составляло суть Посвященного, властной рукой отодвинулось на задний план. Даже у выкованного из железа человека случаются минуты слабости.

Он рассказывал о таких вещах, о которых не знал никто. Он выворачивал себя наизнанку. В конце концов, всегда в его воле заставить женщину забыть чужие тайны. Улыбаясь, Бригида внимала исповеди. Не слишком вслушиваясь, не слишком удивляясь. Слова обтекали ее, словно теплая вода. Она испытывала сытость, с какой не шел в сравнение ее предыдущий опыт.

И вдове не пришло в голову задуматься: почему?

Лишь в постели Эминент опомнился. Когда его жизненная сила не ручейком, а полостью хлынула в лежащую рядом, уже засыпающую красавицу – стальная воля фон Книгге встала плотной на пути «живой воды». Бригида тоже очнулась от дремы. С ней это случилось впервые – никогда раньше насыщение не прекращалось насильственным способом.

– Вампир и маг, – грустно сказал Эминент. – Старая сказка, дитя мое...

– Я не вампир! – вскинулась баронесса.

– И я не маг. Я – нечто большее. Или худшее. Как и ты, собственно. Кто *сделал* тебя, девочка?

Она не желала отвечать. И ответила, не желая:

– Доктор Юнг.

– Молчаливый? Славная работа. И что мы теперь будем делать?

– Разойдемся? – предположила Бригида.

Она не надеялась, что ее опасный любовник согласится без долгих объяснений. Но случилось чудо: Эминент встал, оделся и ушел. На пороге он обернулся. Лицо фон Книгге выражало жалость и что-то еще, от чего у Бригиды задрожали руки.

– Если захочешь найти меня, дитя...

Он сказал ей, как она сможет его найти, и шагнул за порог.

Утром она пообещала себе, что никогда не станет искать его общества. Спустя неделю она уверилась, что они расстались навеки. Через полгода она забыла о нем. Через двенадцать месяцев она нарушила клятву. В годовщину их связи к горлу подступил комок. Бригида поняла, что умирает. Что время повернулось вспять, что она – маленькая девочка, которую не сегодня-завтра обступят камни фамильного склепа, холодные и сырые.

Казалось, не было никакого доктора Юнга, а другие лекари – бессильны.

Она быстро нашла Эминента. Должно быть, он почуял ее нужду заранее. И снова говорил фон Книгге, а Бригида слушала. На сей раз его слова ложились на душу не живительным теплом, а суровым приговором. Перед вдовой сидел *самодельный* мертвец – дваждырожденный, возвращенный к жизни тайным искусством и египетской летаргией бродяги, спящего в чужом гробу.

Баронесса Вальдек-Эрмоли не знала, что это: египетская летаргия. А барон фон Книгге не захотел объяснять. Главное она поняла: ток, возникший между ними, неприроден. Даже если не брать во внимание неприродность самого образа жизни Бригиды – витальная сила Эминента годилась лишь для него одного. Вкусив от нее, Бригида уподобилась курильщику опиума, попавшему в зависимость от драгоценного снадобья.

Она не могла жить без любовников – собеседников-смертников. Но и без любовника-Эминента, даже если тот онемееет и не скажет ей больше ни словечка, она теперь тоже жить не могла. Заменить его было нечем. Могила в Ганновере стала прибежищем, водоемом, откуда требовалось пить, и для Бригиды. Сперва – раз-два в год, затем – чаще, ибо этого требовало естество женщины. Эминент давал ей вкусить от своих щедрот, кормил, что называется, «с руки». Это насыщало, пьянило, но не шло на пользу. После она мучилась судорогами, испытывала головную боль; тело ломило, как от лихорадки, подступала тошнота. Но иначе...

Без поддержки фон Книгге ей снились камни склепа, кричащие:

«Иди к нам, ты наша!»

В Ницце в сердце Бригиды закралась безумная надежда. На миг ей показалось, что рядом с Огюстом она избавится от постыдной, гнусной зависимости. Увы, тем, кто в аду, велено оставить надежды.

...«Чего же ты ждешь от меня?» – думала она, засыпая рядом с Эминентом. Ей было плохо. Ей было хорошо. Она знала, что сегодня не увидит во сне – склеп. Помолиться, чтобы небеса послали сон о молодом французе? – нет, это слишком. Не надо. Будет стыдно. Не слушайте меня, небеса. Впрочем, вы давно уже меня не слышите.

В спальне царила тьма.

– Не всегда в нашей воле состоит быть любимыми, – тихо сказал фон Книгге, лежа с закрытыми глазами. – Но всегда от нас самих зависит не быть презираемыми.

2

– Екатерина Семеновна, богиня, позвольте вам представить! Баронесса Вальдек-Эрмоли, вчера из Парижа. Впервые в нашей Северной Пальмире. Баронесса, осчастливьте! Позвольте в свою очередь... княгиня Гагарина – единодержавная царица трагедии, как сказал поэт...

Гусар разливался соловьем. Молод, брав, хорош собой, он нравился женщинам и знал это. С языка сами собой рвались комплименты. Удержаться было трудно, почти невозможно. Но гусар, опытный ловелас, помнил: хвалить одну даму в присутствии другой – опасней рубки с поляками. Княгиню – еще можно, она в возрасте. Красотка-баронесса не возревнует. Ничего, после спектакля, с глазу на глаз, когда мы лихо приволокнемся за парижской венерой...

Скажи кто гусару, что еще час назад он знать не знал никакой баронессы, что собирался бравый поручик не в Александринку, на водевиль «Забавы Калифа, или Шутки на одни сутки», а на пирушку к штаб-ротмистру Завальному, – не поверил бы. За саблю бы схватился: врешь, каналья! Знал, собирался, мечтал препроводить в ложу!

Ишь, моду взяли: боевых офицеров смущать...

Улыбнувшись гусару, Бригида жестом отпустила его прочь. Кому-кому, а ей отлично была известна убедительность Эминента. Билет в ложу куплен заранее; прогулка по Невскому, напротив театра – лихо соскочив с извозчика, поручик налетает на фон Книгге: умоляю про-

стить, нет, это вы простите, ах, моя проклятая неуклюжесть; пять минут разговора о недавнем – возмутительном, оскорбительном! – указе, позволявшем всем офицерам носить усы, хотя раньше это высочайше дозволялось только гусарам, да еще уланам, этим выскочкам... Странный жест – словно фон Книгге, комментируя указ, решил подкрутить офицерику левый ус. И вот мы представлены княгине Гагариной. Дальше – твое дело, девочка. Хочешь, не хочешь – трудись.

Эминент бывает убедителен не только с гусарами.

– Рада знакомству, княгиня.

Она заняла место в ложе, рядом с Гагариной. Не спеша начать разговор, княгиня с интересом, не смущаясь, изучала новую знакомую. Во внимании Гагариной крылось что-то профессиональное. Так цыган рассматривает лошадь; так генерал склоняется над картой будущего сражения.

Пожалуй, это даже могло польстить.

Бригиде подумалось, что раньше она – да кто угодно! – потерялась бы рядом с Гагариной. Княгиня и сейчас оставалась красавицей. Темно-голубые, как сапфиры, глаза, девичьи ресницы; каштановые, не слишком густые волосы уложены в гладкую прическу. Лицо с греческой камеей – строгий, благородный профиль...

И бриллианты – Гагарина искрилась августовским звездопадом.

– Вы приехали с мужем? – спросила княгиня.

– Увы, нет. Я давно овдовела.

– Вы говорите по-русски с польским акцентом.

– Я родилась в Вильно.

– Красавица-вдова, – задумчиво сказала Гагарина. Она слегка выпрямилась, пригасила блеск взгляда, как если бы примеряла эту роль на себя. – Польская кровь. Титул. Из Парижа. Вы произведете фурор, милая моя. Этот гусарик разве что слюни не пускал...

Ее манера изъясняться была настолько естественной, что Бригида улыбнулась.

– Вы мне льстите, княгиня. Думаю, Петербург весь у ваших ног.

– Лесть – верный способ отпугнуть меня, баронесса. Я хорошо знаю себе цену. У моих ног? – да. Весь Петербург, двадцать лет тому назад. Пожалуй, даже десять. В «Федре» я не имела равных. Вы не поверите, но в те поры у меня не было нужды в драгоценностях. Я обходилась турецкой шалью, и все. Белая шаль, с букетами роз. Это сейчас...

Достав золотую табакерку, княгиня открыла крышку, усыпанную рубинами, и взяла добрую понюшку. Чихнув, Гагарина продолжила:

– Теперь я гоюсь лишь в наперсницы чужих тайн. Милочка, у вас есть тайны?

– У каждой женщины есть тайны, – пожала плечами Бригида.

– Но не каждая женщина любопытна, как я. Вы приехали одна?

– Нет.

«Заинтересуй ее, – наставлял Эминент. – Найди слабое место. В молодости она не терпела соперниц. Ни на сцене, ни в жизни. Веди себя независимо, но отдавай ей должное. И помни: Гагарина больше любит говорить, чем слушать...»

Зал заполнялся публикой. С потолка, удобно расположившись на плафоне, на суматоху взирали боги Олимпа. Зевс изучал ярус за ярусом, ища достойную замену плаксе-Европе. Для полноты картины Громовержцу не хватало лорнета. Гера любовалась голубой обивкой мебели, выгодной на белом фоне стен. Масляные лампы успели измарать копотью и стены, и обивку. В грядущем это обещало стать серьезной причиной для ремонта.

– Значит, с покровителем, – кивнула княгиня. – Не смущайтесь, баронесса. Я не из тех жеманниц, которые падают в обморок от воздушного поцелуя. Полжизни я прожила с покровителем. Не хотела бросать сцену. Он умолял, настаивал, шел против семьи; я отказывалась, рожала ему детей – и снова играла, играла... Наконец сдалась – минутная слабость, хандра. Мы

повенчались – в Москве, в церкви Тихвинской Божьей Матери. И вот, пожалуйста: была Федра, Антигона, Мария Стюарт – стала княгиня Гагарина. Как полагаете, равноценная замена?

Взяв крохотный бинокль, Гагарина навела его на ложу напротив.

– О, Росси, – княгиня рассеянно улыбнулась. – Я не знала, что за ним сохранили одно место. Вы слышали эту сплетню, баронесса?

– Я вся внимание, княгиня.

Сплетни? Бригида даже не знала, кто такой этот Росси. Зато она неплохо изучила биографию Гагариной. Эминент позаботился вооружить свою посланницу. «Выверни русскую княгиню наизнанку, – смеялся фон Книгте, – получишь дворовую девку. Или кумира подмоштов, если угодно...» Сестры Семеновы, дочери крепостной крестьянки от хозяина-помещика, орлицами вознеслись на петербургскую сцену – старшая, Екатерина, блистала в трагедиях, младшая, Нимфодора, пела оперу. Их боготворили, из-за них стрелялись. Обе считали всеобщее обожание естественным ходом вещей. Обе не брезговали интригами, если речь заходила о сценической карьере.

Обе любили роскошь и славу.

Целомудрие сестер также было практического толка – когда два закадычных приятеля, князь Иван Гагарин и граф Мусин-Пушкин, предложили им содержание, сестры без колебаний согласились. Такое покровительство означало свой дом, открытый для высшего света, выезды, кареты, лакеев на запятках, туалеты от лучших модисток, услужливых компаньонов... Ну и детей, разумеется. Как же без этого? Екатерина вне брака родила четверых, Нимфодора – троих. Впрочем, если Екатерина все-таки стала княгиней Гагариной, приведя вдового князя под венец, то Нимфодора по сей день «наслаждалась» свободой – овдовев, Мусин-Пушкин не спешил взять пример с друга! – и продолжала петь, отдавая предпочтение ролям юных девиц.

«В вас есть кое-что общее, – Эминент разговаривал с Бригидой без стеснений, не заботясь, ранит он чувства баронессы или нет. Даже с великаном Ури он вел себя деликатнее. – Кроме происхождения, разумеется. Вы ставите цель и идете к ней через любые препятствия. Вас не мучит мораль. Не останавливают предрассудки. Больше всего на свете вы цените жизнь. Ты должна ей понравиться... Сделай так, чтобы Гагарина пригласила тебя к себе в дом. Вместе со мной. Это очень важно, запомнила? Скажи ей, что я – твой покровитель. Больше не говори ничего. Она любопытна...»

– Дать вам бинокль? Росси – итальянчик слева...

– Спасибо, княгиня. Я вижу без бинокля. Воротничок до ушей, бакенбарды... Кто он?

– У вас чудесное зрение. Завидую. Он – архитектор, строил здание театра. На днях подал в отставку. Уволился, как сказал мой муж, «от всех занятий по строениям, кроме ремонта сего зала, буде таковой понадобится Отечеству». Смешной человек... Беден, как церковная мышь, и горд, как дьявол. Государь сомневался в прочности свода, так он заявил: «Если свод обрушится, Ваше Величество, повесьте меня на стропилах прилюдно!» Довольный, государь пожаловал ему ложу в прижизненное пользование. И знаете, что сделал Росси?

– Что?

– Стал торговать местами. Продавал кому ни попадя, лишь бы платили. Ему вечно не хватало денег... Представляете, сенатор Дмитриев явился посмотреть патристическую драму «Освобожденная Москва», а рядом с ним сидит купец Семирылов! Оптовые поставки овса и льняного семени... Скандал! Дошло до государя, тот в возмущении, велел у Росси ложу отобрать. Как видите, сжалился, именное место оставил...

Бригида вежливо улыбнулась. История бедняги-архитектора оставила ее равнодушной. Раздумывая, как навести Гагаринову на идею приглашения, она шарила взглядом по залу, словно желая найти там подсказку. Партер, раёк...¹¹ мундиры студентов, фраки мещан, самой попугай-

¹¹ Раёк – верхний ярус театра; галерка.

ской расцветки... Наверное, она забылась. Сердце зашло в отчаянной пляске, кровь отлила от лица. Княгиня что-то говорила, но Бригида не слышала.

В проходе, ожидая, пока его пустят в середину ряда, стоял Огюст Шевалье.

– Я жду вас с визитом, милочка. Вы обязательно должны посетить нас. Обычно мы живем в Москве, но осенью месяц проводим в Петербурге. Я оставляю вам адрес. И покровителя вашего берите, не стесняйтесь. Мой муж будет душевно рад, он любит новую компанию. После спектакля мы обсудим время...

– Что? – спросила Бригида. – Ах да, конечно...

3

Расставшись с баронессой, Эминент минут пять стоял без движения. Затем отошел от здания театра к Невскому проспекту. Он чувствовал себя юношей и стариком; хотелось крикнуть во все горло – и лечь спать. Это удивляло Человека-вне-Времени, давно забывшего, что значит возраст тела.

Что значит возраст души, он помнил хорошо.

Тайные, казалось, навсегда умолкшие струны вдруг подали голос. словно фон Книжке вышел на сцену, готовясь начать монолог. «Рыцарь Лебеда, или Суэта сует», – подумалось барону. – Трагедия? Водевиль? Неужели фарс?..» Чувство сцены усугублялось гением архитектора. Кто бы ни возводил Александринский театр, открывшийся для публики месяц назад, в конце августа, он знал свое дело. Если Эминент сейчас находился возле рампы, спиной к публике (вопреки канонам актерского мастерства, но сообразно складу натуры барона), то белоколонный портик Александринки, над которым летела квадрига Аполлона, смотрелся великолепно декорацией.

Самое высокое здание в ансамбле, окружавшем площадь, выше даже Аничкова дворца, театр утверждал: «*Vita brevis, ars longa!*»¹²

– ...случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно, – тихо смеясь, продолжил Эминент начатый театром афоризм. Латыни он предпочел древнегреческий, как, собственно, и звучали эти слова в оригинале, произнесены великим Гиппократом. – Врач должен не только быть готов делать то, что верно, но и подготовить пациента к сотрудничеству... Что скажешь, паяц?

Театр промолчал.

Нищенка в драном салопе отшатнулась – и кинулась прочь. Только что старуха крутилась рядом, обихаживая «барина» в надежде на милостыньку, и вот – салоп мелькнул у Публичной библиотеки, сгинув в сумерках. У побирушек – чутье, Эминент знал это.

Он двинулся по Невскому. Будочник, накрывшись рогожей, лез зажигать фонарь. Прохожие сторонились, не желая залить маслом одежду. Кто-то споткнулся об алебарду будочника, прислоненную к стене; упав, старушка жалобно загремела. Из открытых дверей кондитерских пахло свежей сдобой. Толпа артельщиков, топая, как стадо слонов, обсуждала, куда им пойти. Выбор был невелик: Демутов трактир, куда артельщиков могли и не пустить, погнушавшись чином, и заведение Палкина на углу с Малой Морской.

В Демутовом, если верить крикунам, подавали кулебяку, ради которой стоило рискнуть. Зато Палкин ловко рекламировал себя в газете, что вызывало у артельщиков уважение.

«Старайся, дитя мое. – Эминент мысленно обращался к Бригиде. – Иначе я очень, очень огорчусь...»

¹² Жизнь коротка, искусство вечно! (лат.). В античности наука и искусство – единое понятие. Собственно, Гиппократ имел в виду искусство медицины. Для Эминента это звучит вызовом: «Жизнь коротка, наука вечна!»

Барон мог бы остаться у театра, проследив за беседой дам так же ясно, как если бы сидел с ними в ложе. Но фон Книгге не желал оставлять малейший, самый воздушный след, по которому сведущие люди могли бы опознать его участие в деле.

Встреча с князем Гагариным должна носить случайный характер.

Иначе – нельзя.

Иван Гагарин напоминал луковку. Начни чистить – возрыдаешь. Крепенький, ядреный, он носил столько масок, что и сам, казалось, забыл: где же настоящее лицо? Для державы – сенатор, действительный тайный советник, кавалер многих орденов. Для друзей – меценат, учредитель Общества поощрения художников, ценитель изящной словесности. Для широкой публики – богач, кутила, сластолюбец; завсегдатай скачек, разбирающийся в лошадях не хуже, чем в живописцах.

И наконец, для тех, кто видит суть вещей, – знаменитый масон, первый в списке учредителей ложи Орла Российского, лучший Мастер Стула в Петербурге, почетный член лож Петра-к-Истине, Соединенных Друзей и Ключа-к-Добродетели.

Крылось в князе еще кое-что – в середке, в горчайшей сердцевине. Записанный отцом на втором году жизни в Преображенский полк, а затем, на пятом году – в Измайловский, в девятнадцать лет князь был произведен в прапорщики. Он знатно повоевал: штурм Измаила, Георгиевский крест, подпоручик, поручик, капитан-поручик...

Про него писал генерал-аншеф Суворов в рапорте:

«...дал повеление лейб-гвардии Измайловского полка прапорщику князю Гагарину приставить лестницы, по которым быстро взойшли на вал, опрокинули неприятеля и бастионом овладели. С первыми вскочил он на бастион, и когда вся колонна, прибыв туда, простирала поражения в левую сторону по валу – он рассеявшихся в первом стремлении егерей собрал, храбро атаковал с ними неприятельские толпы и, отразив оные, присоединился к колонне».

Не кланяясь пулям, кидаясь в рукопашную, стоя под ядрами турецких пушек, Гагарин не получил ни единой царапины. Однополчане говорили, что он заговоренный, и были ближе к истине, чем думали сами.

«Явиться без выкрутасов, как Посвященный к Посвященному? – в который раз думал Эминент. – Нет, нельзя. Интерес к внуку, даже незаконнорожденному, он может счесть оскорблением. Или просьбой о помощи – тогда я буду ему должен. А так... Одна дама пригласила другую; мужчины пьют вино и судят о политике, а позже, оставшись наедине, – о ножках балерин. Он спросит, зачем я приехал в Петербург. А ведь он обязательно спросит...»

– Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночь пропоешь?

Навстречу, приплясывая, шел сильно выпивший купчик. Рыдая от удовольствия, он басом выводил: «Сау-лау-вей мой... ы-ы... т-ты куда?!» – и хватал прохожих за плечи, желая облобызать. Вокруг купчика вился некий хват в засаленном картузе: подпевая козлетоном, он все норовил запустить тощую лапку в карман чужой сибирки.¹³

Прохожие купчиком брезговали, вора же подбадривали возгласами.

– Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:

¹³ *Сибирка* – короткий кафтан, который часто носили купцы и лавочники; обычно синего цвета, сшитый в талию, без разреза сзади, со стоячим воротником.

Не найти тебе нигде
Горемышнее меня,
Ой, горемы-ы... ы-ы!.. м-иня-а...

Опровергая идею своей абсолютной «горемышности», купчик разразился хохотом, врезал хвату в ухо тугим кулачищем и, не оборачиваясь, заплясал дальше по проспекту. Барон фон Книгге аккуратно разминул с ним, переступил через бесчувственного воришку и продолжил путь.

«Нет, я не стану скрывать причину своего визита в Россию. Бесполезно. Венерабль лож Орла сразу почует ложь или нежелание быть откровенным. Если сквозь броню наружу донесется хотя бы отголосок интереса к семье Гагариных... Скрытность такого рода – худший вид вражды. Масонский Петербург – неудобное место, когда ты не по нраву мастерам лож. Да, император Александр запретил масонство, император Николай подтвердил запрет, и верноподданные «вольные каменщики» склонились пред царской волей. Это – для простаков, но не для меня. Я-то знаю, что тайная жизнь Северной Пальмиры кипит пуще прежнего...»

– У меня ли у молодой,
В сердце миленький дружок...

Бас скрылся за поворотом.

В доме Энгельгардтов горели окна. В зале на втором этаже звучала скрипка в сопровождении рояля. Там давали концерт. Окна светились и в левом крыле, в «Храме очарования» иллюзиониста Гамулецкого – несмотря на позднее время, публика желала чудес.

«Каждому – свое, – краешком губ улыбнулся Эминент. – Одним – «Sonata in B minor», другим – механический арап. Калиостро был бы рад, обнаружив, в какое ничтожество превратился его иуда-ученик. Шестеренки, рычаги... Знают ли петербургские масоны о моем участии в развале ордена иллюминатов? Знает ли об этом князь Гагарин? Если да, у него есть причины видеть во мне врага. Хотя вряд ли – я не оставлял следов. Даже молния, убившая курьера, не несла печати Рыцаря Лебедя...»

От Невы тянуло сыростью.

«Я расскажу ему про генерала Чжоу. Он поймет...»

Сцена шестая

И наш дружок-француз в осьмнадцатом ряду...

1

- Извольте пройти на место!
- Что?
- Сударь! Займите ваше место!
- Да-да...
- Мсье! Вы мешаете!
- Конечно...
- Вы и французского не знаете?!
- Отчего же... я француз...
- Сядьте наконец, господин француз! Или я позову капельдинера!
- О да, я уже...

Не отрывая взгляда от ложи с Бригидой, толкая зрителей, шипящих от негодования, наступая им на ноги и забывая извиниться, Огюст Шевалье пробрался в середину ряда. Цель его поисков – предмет страсти, как говорилось в пошлых романчиках, – явившись на манер *deus ex machina*,¹⁴ словно издеваясь над всеми усилиями молодого человека, просто уничтожила Огюста.

Казалось бы, он должен был сойти с ума от радости. Нет, он сходил с ума от страшной мысли: «Что, если это намек? Подсказка судьбы? Ты ищешь ее, глупец, сгораешь от волнения... А она преспокойно ждет начала забавной комедии. Что, если письмо – ложь, фальшь? Подача, брошенная нищему?! Я должен увидеться с ней. Иначе...»

Что – иначе, он не знал.

Из ямы вступил оркестр. Под флейты и скрипки – липкие, тягучие, как разомлевшая на жаре халва, – открылся занавес. Декорации изображали дворец Гаруна аль-Рашида. Сам калиф, прославленный хождениями в народ инкогнито, в глубине сцены пел дуэт с наложницей Зобеидой.

Калиф хандрил. Даже не знающему русского языка сразу делалось ясно: хандра – страшная штука. Грядет очередная царская забава, и спасайся, кто может. Водевиль обещал быть веселым. Наложница подчеркивала это скромным – в пределах, разрешенных цензурой, – танцем живота.

Сопрано Зобеиды срывало аплодисменты партера.

Танец – стоны райка.

Во всем зале лишь Огюст Шевалье пренебрегал спектаклем. Для него сценой была ложа с баронессой. Впервые он понял, что значит выражение «пожирать глазами». Следствие проклятого дара Бригиды? Шевалье не желал выяснять: так оно или нет? Музыка длилась, заворачивая его в нервно дрожащий кокон. Он не знал, что композитор писал этот комический водевиль, находясь в заключении и ожидая ссылки. Просто скрипки подсказывали – много знания, много печали, смейтесь, пока в силах...

Упала первая снежинка. Вторая. Бархат и золочение вокруг Бригиды. Сотая снежинка. Голубая обивка кресла. Тысяча снежинок. Две тысячи. Сырость щербатых камней. Вьюга. Молчание склепа. Мириад снежинок.

¹⁴ Бог из машины (*лат*). В античном театре – явление божества, спускавшегося с «неба» в специальном механизме, которое разрешало все проблемы героев.

Кладбище.

Он уже видел это кладбище – в зеркале, ища способ покинуть Ниццу. Огюст замотал головой, замычал, разучившись говорить. Его ткнули локтем в бок. Сквозь кокон он едва почувствовал толчок, но склеп исчез. Вернулась ложа, Бригида, красивая пожилая дама рядом с ней...

Дама следила за представлением, нервничая.

Огюсту даже показалось, что при первой возможности дама ринулась бы на сцену, в тычки погнала дуру Зобеиду и с радостью заняла бы место наложницы.

Снежинки заплясали вокруг женщины. Бриллианты на ней вспыхнули ледяным огнем. Лед плавился, чернел, превращаясь в траурное покрывало вдовы. «Разорена, – шепнули изда-лека, злорадствуя. – А не гордись, не строй царицу...» Кресло сгнуло, вдова стояла на коленях, протягивая кому-то прошение. «За дочь... – бормотала она. – За Наденьку молю... нижайше...»

Ответный шепот окреп, превратился в беззгливый тенорок:

– Дочь? В монастырь.

– За что?!

– А не бегай от законного супруга...

Ложа обернулась съемной квартиркой. Дряхлая мебель, скудость обстановки; нищета. Вдова, сильно постарев, билась на кровати в тифозной горячке. Рядом скучала угрюмая сиделка, мелькая спицами. Шарф, который она вязала, – желто-красный, как огонь, – стекал на пол, на снег, растапливая холод, возвращая театр, ложу, Бригиду, даму в бриллиантах...

Огюст зажмурился.

Когда он открыл глаза, все было по-прежнему. Калиф покинул сцену, уступив место коротышке в чалме – визирю, что ли? Визиря сопровождал кордебалет игривых джин-ний-фигуранточек и палач. Наложница стала обсуждать с визирем способ развеселить аль-Рашида. Кордебалет резвился; палач скучал.

В палаче без труда узнавался Яков Брянский.

Слов льву не досталось. Молчание он компенсировал позой, способной заменить трагический монолог. Чувствовалось, что головушек он отсек – хоть пирамиду строй. Что ятаган ему – брат, дыба – сестра, плаха – мать родная. В Европе прогресс, гильотину сочинили, гяуры необрезанные... А мы по старинке – коврик расстелил, махнул сплеча, и пошла душа мусульманская в рай, гурий шупать.

О Аллах, куда смотришь?

Тюбетей сползал Брянскому на нос. Он и это превращал в пантомиму: морщился, корчил рожи, пытаясь бровями, не привлекая к себе визирского внимания, подкинуть тюбетей на место...

Публика хохотала, дурак-визирь принимал это на свой счет.

Пока Шевалье глядел на ужимки Брянского, у него созрел план, как подать Бригиде весточку о себе. Не в ложу же к ней вламываться, право слово! Да и не пустят небось – кто ты такой, черная кость...

Оставалось дожидаться конца первого акта.

2

За кулисы Огюст пробрался внаглую.

Едва занавес закрылся, не дожидаясь, пока стихнут аплодисменты и публика потянется в буфет, он по лестницам, которых в театре было великое множество, сбегал с галерки в зал. Кинулся к сцене, наскоро оценил глубину оркестровой ямы, вихрем взлетел на ограждение боковой ложи – «Pardon, madame!...» – три шага, прыжок, и молодой человек исчез за склад-

ками бархата. Попасть в уборные артистов можно было и по коридорам, обманув бдительность служителя. Примазаться к компании офицеров, желающих засвидетельствовать свое почтение голенастым джинниям, а то и самой наложнице Зобеиде, пока грозный калиф курит трубочку на лестнице...

Шевалье решил рискнуть, выиграв время.

Его появление на сцене никого не удивило. Рабочие, кряхтя и бранясь вполголоса, таскали декорации – второй акт предполагал улицу в Багдаде, где по ночам, как известно, все спокойно. Калиф, оказывается, не ушел курить. Сняв тюрбан, он чесал длинным ногтем лысину – словно записывал суру из Корана. Вокруг аль-Рашида бегал человечек в черном фраке, похожий на грача. Что грач на бегу втолковывал лысому владыке, осталось для Огюста тайной, но выглядел калиф жалко.

Нырнув в кулисы, молодой человек быстро нашел дверь, ведущую к уборным. В первой же гримерке его встретил радостный визг:

- Ой, хорошенький!
- Pardon... excusez-moi...
- Французик! – ликовал кордебалет.
- Славный какой!
- Иди к нам, французик...

Лишь мысль о баронессе спасла Шевалье. Вторая уборная, третья... пухлая Зобеида неглиже грозит ему пальчиком, медля уйти за ширму... визирь пьет из фляжки, крякает от удовольствия... гримируется бас – огромный, голый по пояс...

- И какая охота была бы мне вас обманывать?
- А Шекспир?
- Уверю вас честью и совестью, что Шекспир – сушая дрянь...
- Брянский? – кричал Огюст, чувствуя, что пропадает в этом вертепе. – Мсье Брянский?
- Здесь он, ваш Брянский...

Кто-то сжалился, указал: да вон же, в конце коридора! Когда лев увидел Огюста, в первую минуту, казалось, Брянский готов был задать стрелкача. Господь с ним, со спектаклем! Палач – не калиф, заменят. А давешние, уже потраченные сорок рублей, которые буян-француз вознамерился отобрать силой, – это вам не кот начихал!

Вот, сами видите: за ворот хватают, лишают божьего дыхания...

- Ищу! – захрипел Брянский. – Весь в поисках, душа моя!
- Она здесь!
- Кто?
- Она! Третья ложа!
- Бенуар?¹⁵
- Бельэтаж!

– Третья? Дама рядом с княгиней Гагариной? – в минуты опасности Брянский соображал молниеносно. – Душа моя! Знаю, знаю, хотел известить! Скажу без ложной скромности – моими стараниями... Не случай привел нашу Джульетту в театр! Нет, не случай, а провидение в лице скромного короля сцены!..

- Она должна узнать, что я тоже в театре!
- Разумеется, душа моя! Едва кончится третий акт...
- Немедленно!
- Но как? Водевиль сейчас продолжится!
- Ты сделаешь вот что...

¹⁵ Бенуар – ложи по обеим сторонам партера на уровне сцены. Бельэтаж – первый ярус балконов над партером и амфитеатром.

Выслушав требования Шевалье, лев скис.

– Да ты хоть понимаешь, душа моя...

– Убью! – тихо пообещал Огюст.

И лев поверил: этот убьет.

3

– Шампанского, Степан! – велела в антракте Гагарина.

Бригида ничего не имела против шампанского. На нее вино действовало слабо, а княгиня явно была не промах насчет бокала-другого. Присутствие в зале Шевалье так потрясло баронессу, что весь первый акт Бригида просидела как на иголках. И с опозданием сообразила: ей вовсе незачем подпаивать новую знакомую. Поручение Эминента выполнено, они приглашены к Гагариным.

Можно беседовать о пустяках.

– В субботу, в семь часов, – княгиня словно подслушала ее мысли. – Вы где остановились, милочка? Степан приедет за вами с каретой.

– Большая Миллионная, дом 6.

– Снимаете квартиру?

– Мы сняли весь дом. Он скромный, но очень уютный...

– Ваш покровитель не стеснен в расходах! – Гагарина расхохоталась. Расторопный лакей успел вернуться, и княгиня взяла с подноса бокал «Veuve Clicquot». – Скромный домик на Миллионной! В начале улицы, возле Мраморного дворца! Боюсь, мое шампанское покажется вам дешевой кислятиной. Вы, должно быть, привыкли к напиткам королей...

Улыбнувшись шутке, Бригида тоже взяла бокал. Ей было очень трудно сдерживать себя. Все существо баронессы желало одного: бегом покинуть ложу и броситься искать Огюста. Сейчас она хорошо понимала, что испытывали ее собственные жертвы, исповедуясь перед очаровательной убийцей, ложась в гибельную постель – и позже преследуя свою смерть со страстью влюбленного.

Рядом с молодым французом она чувствовала себя *обычной*. Такой, как все. И хотела, чтобы это длилось вечно.

Если что и удерживало Бригиду, так это страх перед Эминентом.

– Взгляните, милочка! – Гагарина указала на ложу напротив. – Вот спектакль, какого вам не покажут в других театрах. Знаете, кто это? Дорого бы я дала, чтобы услышать, что же он говорит Натали...

В ложе ссорилась семейная чета. Юная, очень бледная красавица сидела, глядя строго перед собой. Щеки ее пылали, как у чахоточной. Над женщиной стоял смуглый, похожий на эфиопа господин во фраке. Ритмично взмахивая рукой, он выговаривал супруге, раздражен и пылок. Левый мизинец «эфиопа» украшал длинный футляр-наперсток из золота. Казалось, из наперстка вот-вот ударит молния, испепелив дерзкую.

Бригида улыбнулась, стараясь успокоить волнение души.

– Я перескажу вам их разговор, княгиня. У меня очень тонкий слух.

– Это невозможно, милочка! В зале так шумно!

– И все-таки... – она сосредоточилась, отсекая лишние звуки. – Он говорит ей: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь...» Короче, без нее он был бы несчастлив. «Ma famille augmente, mes occupations me retiennent forcément à Pétersbourg... les dépenses vont leur train, et n'ayant pas cru devoir les restreindre la première année de mon mariage, mes dettes ont augmenté aussi...»¹⁶ Но он не должен был...

¹⁶ Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге... расходы идут своим чередом, и так как

– Что? Что именно?

– Поступать на службу. И, того хуже, опутывать себя денежными обязательствами. Кто-то смотрит на него как на холопа. Я не расслышала, кто именно. Он не хочет быть шутком ни у кого, кроме как у Господа Бога. Дальше что-то о зависимости, которую он налагает на себя из нужды. Это унижает его... Кто этот человек, княгиня?

Гагарина взяла новую понюшку табака.

«Вы просто клад, дорогая моя, – было написано на лице княгини. – Если я о чем-то и мечтала всю жизнь, так это о подруге с таким чутким слухом. Жаль, что мы не познакомились раньше, когда я еще блистала на сцене...»

– Это Пушкин, милочка. Мой давний и страстный поклонник. Я была в расцвете зрелости, он был юн. Поэт, знаете ли, любимец музы... «Одарена талантом, красотой, чувством живым и верным, она не имела соперниц!» Так он писал обо мне тринадцать лет назад. Теперь я – старуха, а он женат. Я забыта публикой, он – мишень для язвительных насмешек. Любой рогоносец смешон, а рогоносец, лишенный возможности отомстить, – смешон вдвойне.

– Если он знает о своих рогах, – Бригида взглядела в бледную супругу «эфиопа», немую как могила, – у него всегда есть достойный ответ оскорбителю. Или в России запрещены дуэли?

– Запрещены. Еще при Петре Великом. Ослушников велено карать смертью.

– Значит?

– Ничего это не значит, дорогая моя. Запрет никто не соблюдает. Стреляются, как везде. А смертную казнь победителю легко заменяют Кавказом или Сибирью. Либо вовсе откладывают наказание на неопределенный срок. Здесь иные запреты... Наши российские дуэли – рабы «Табели о рангах». К примеру, мой муж – действительный тайный советник. Значит, губернский секретарь, коллежский асессор или статский советник, захоти они стреляться с Иваном Алексеевичем, могут лишь скрежетать зубами от бессилия. Низший разряд лишен права вызвать к барьеру высший. А если обидчик так высок, что выше его только Господь... Вы догадываетесь, о чем я?

Бригида кивнула.

– У бедняги Пушкина было единственное средство уберечь жену. Но в мае Натали родила девочку, оправилась после родов и теперь беззащитна. Пока она ходила в тягости, государь не раз выговаривал Пушкину при всех. Дескать, он рассчитывал, что Натали будет блистать на балах, а не сидеть взаперти! Как это – брюхата?! Зря, что ли, государь заплатил долги поэта? Дал допуск в архивы? Пожаловал камер-юнкером?¹⁷ У нас говорят, милочка: долг платежом красен...

– Теперь я понимаю, княгиня...

– Что?

– Чьим шутком он не хочет быть.

– Все понимают, дорогая моя. И он сам прекрасно понимает. Да уж коли выпала судьба ходить в шутах... Я это знаю лучше многих. С молодых ногтей на сцене...

Бригида ждала, что Гагарина помянет и свое «холопское» происхождение. Нет, на это откровенности княгини не хватило.

Ревнивец-поэт тем временем утомился. Золотой мизинец прекратил блистать, пылкость речей угасла. Болезненный румянец исчез со щек красавицы, не сказавшей по сей час ни слова. В ложе супруги были наедине; точно так же, как и княгиня Гагарина с баронессой Вальдек-Эрмоли, если не считать лакея Степана.

я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились... (франц.)

¹⁷ Придворное звание камер-юнкера соответствовало чину статского советника (V класс), что подчеркивало расположение государя к Пушкину, на тот момент всего лишь титулярному советнику (IX класс). Это звание, пожалованное императором, обещало быструю карьеру. По военной табели фактически капитану дали бригадирскую должность (выше полковника, ниже генерала-майора).

По обычаю, заведенному Николаем I, дамы высшего света сидели в ложах одни, без мужчин. Их спутники занимали первые ряды кресел в партере. Но для супружеских пар, по понятным причинам, делались исключения. Если муж желал изъяснить жене свои претензии – лучше театра места было не найти.

В оркестровой яме заиграли вступление ко второму акту. Занавес открылся, явив взорам багдадскую улицу. Повелитель правоверных – он был в маске – пел комические куплеты, обращаясь к молчаливому палачу. По замыслу постановщика, это усиливало юмор ситуации. Когда калиф замолчал, палач внезапно вышел на авансцену.

Оркестр умолк. Похоже, выступление палача не подразумевало музыкального сопровождения. Калиф замер в недоумении. Он протянул руку, словно намереваясь силой вернуть наглеца на место, но опомнился и не стал ничего предпринимать.

– И я хочу сказать дозволенные речи:
Любовию кипя, влюбленный жаждет встречи...

Дребезжащий тенорок палача вызвал смешки в зале. Одна Бригида не смеялась. Она была убеждена, что палач смотрит прямо на нее – не отрываясь, гримасничая, как если бы хотел сказать что-то, понятное лишь им двоим.

– И наш дружок-француз в осьмнадцатом ряду
Охвачен страстью весь, пылает как в бреду,
И если не узрит предмета воздыханий,
То, жизнь прервав свою, утопится в лохани...

Смех усилился. Машинально Бригида глянула в сторону райка. Привстав с места, ей махал рукой Огюст Шевалье. Кто-то сзади дернул его за одежду, призывая сесть. Не желая затевать скандал, молодой человек послушался, но взора от ложи с баронессой не отрывал. Губы его шевелились.

«После спектакля, – скорее почувствовала, чем прочла Бригида. – Мы должны... встретиться...»

На сцену выскочила толпа придворных в ярких одеждах. На руках они несли спящего башмачника, которому по пробуждении намеревались втолковать, что калиф – это он и никто иной. О своих намерениях придворные громким хором уведомляли весь Багдад. Палач убрался в кулисы, внимание зала сосредоточилось на пляске вокруг башмачника.

– Это ваш покровитель, милочка? На галерке? Не думаю, что ему по карману аренда особняка на Миллионной...

Улыбаясь, княгиня Гагарина указывала табакеркой на француза.

4

– Обычное дело, милочка. Нас, актеров, часто просят сослужить почтовую службу. Со сцены можно многое сказать, если знать как. Червонец, и вот уже в монолог вплетается лишний стих. Кто у нас сегодня в палачах? Яшенька Брянский? Ну, этот прохвост за алтын целую арию состряпает. Ишь ты, дружок-француз в осьмнадцатом ряду... Признайтесь, солгали насчет покровителя?

Княгиня пребывала в наилучшем расположении духа.

– Отчего же солгала? – Бригида с трудом вернула себе самообладание. – В субботу и увидите, кто покровительствует бедной вдове. Уверена, он вас не разочарует. Ни вас, ни вашего благородного супруга. А этот хорошенький мальчик... Нравится? Да, мне тоже. Он тайно при-

ехал за мной из Парижа. Бывают такие минуты, когда хочется безумствовать. Отдаться чувству, не отягощенному расчетом. Вы понимаете меня?

– Преотлично, голубушка! Один дарит средства, другой – любовь. Моя сестра Нимфодора избегала вторых, отдавая предпочтение первым. Говорила, что сердце должно подчиняться голосу рассудка. И что? Ее граф так и не женился на ней. А для любви, скажу честно, Нимфа уже старовата. Давайте выпьем за истинность чувств. Степан, еще шампанского!

«Один дарит средства, другой – любовь, – словно эхом, отдалось в душе баронессы. – Один – средства к жизни. Другой...»

Наверное, Бригида слишком сильно сжала бокал. Хрупкое стекло треснуло, брызнуло осколками. Вино пролилось частью на пол, частью на платье. Заохал, заволновался лакей, готов бежать, куда прикажут: за врачом, капельдинером, извозчиком, за флаконом с нюхательными солями...

Осколки пощадили пальцы Бригиды. Но острый край ножки бокала вспорол ладонь. Густая, одинокая капля крови сползла на запястье – и, не дождавшись своих сестер, потеряв надежду превратиться в багровый ручеек, засохла. Понимая, что делать этого не следует, и не зная иного выхода, баронесса Вальдек-Эрмоли медленно, очень медленно раскрыла ладонь – так, чтобы видела княгиня.

И изумилась, потому что Гагарина осталась равнодушной.

– Вы понравитесь моему мужу, милочка, – приветливо сказала бывшая актриса. Она без особого интереса изучала светло-розовую, быстро бледнеющую полоску – то, во что превратился опасный порез. – У вас много общего. На нем тоже все заживает, извините за вульгарность, как на собаке. Иван Алексеевич говорит: это у него с войны. Цыганка заговорила: от пули, от стали. У вас тоже цыганка?

– Нет, – Бригида порадовалась, что голос ее звучит обыденно. – У меня доктор. Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг, вестфалец. Я лечилась у него в детстве.

– Не дадите адресок? У меня ужасная мигрень...

– Увы, княгиня. Это был чудесный врач. Не сомневаюсь, он легко бы справился с вашей мигренью. Скажу больше, вы бы почувствовали себя совершенно другим человеком. Но, к сожалению, мой доктор давно умер.

– Жаль, – вздохнула Гагарина. – А наши все шарлатаны. Берут деньги и кормят обещаниями. Не находите, милочка, что эта Зобеида безбожно фальшивит? Я бы гнала ее со сцены вашей...

Сцена седьмая

Запачкать легче, чем очистить

1

– Сами видите, Андерс Христианович! Получить ксилоидин – не фокус. Ваш дражайший братец, умница из редких, переслал самые подробные инструкции. Что и как делать надобно; а главное – чего ни в коем разе делать не надобно, во избежание преждевременного взрыва! Но вот беда: для сколько-нибудь длительного хранения ксилоидин непригоден. Полюбуйтесь: сей образец получен вчера...

Гамулецкий, облаченный в халат из бязи, выкрашенной синькой, вприпрыжку, как мальчишка, подскочил к приземистому шкафу со множеством ящичков. Что-то мурлыча себе под нос, он принялся выставлять на лабораторный стол склянки с грязно-белым содержимым. Энергия этого человека поражала. «Мафусаил, право слово! – невольно подумал датчанин. – После него хоть потоп...»¹⁸

– ...сей – три дня назад. А этому красавцу уже неделя...

Подвал, в котором они трудились, тянулся под всем домом Керстена на Почтамтской улице, где квартировал Гамулецкий. Большую часть подвала занимала механическая мастерская. Под химическую лабораторию фокусник отвел едва ли четверть помещения. Остальное пространство, отгороженное от лаборатории шкафами, занимали верстаки с разложенными на них деталями и заготовками, тиски и тисочки, станки сверлильные и шлифовальные с ножным приводом – и прочая машинерия.

Металл таинственно поблескивал из сумрака.

– Извольте сравнить!

Эрстед склонился над склянками. Каждая была аккуратно подписана: название вещества, дата и время получения. Не всякий химик датского Королевского общества мог похвалиться такой скрупулезностью! В первой хранился рассыпчатый порошок, чуть желтоватый, как цейлонский жемчуг. Порошок во второй склянке имел серый оттенок и выглядел комковатым. В третьей же лежала грязная «размазня».

Более всего она напоминала манную кашу, плохо сваренную на воде.

– Похоже, ксилоидин притягивает влагу из воздуха, – пожал плечами датчанин. – Свойство известное...

– И называется оно гигроскопичностью! Как же, знаем-с. Но что с этим прикажете делать, голубь вы мой? Ведь влага нейтрализует все горюче-взрывчатые свойства вещества. Позвольте крошечную демонстрацию. Малюсенькую, считай, детскую...

Разумеется, без «крошечной демонстрации» Гамулецкий, штукарь до мозга костей, обойтись никак не мог. На дальнем конце стола, водружен на чугунную треногу, лежал плоский кусок мрамора с отбитым краем. Судя по поверхности камня, изъязвленной кислотами и местами закопченной, «демонстрации» на нем производились с завидной регулярностью. Высыпав на мрамор чуточку порошка из первой склянки, Гамулецкий запалил от ближайшей свечи длинную лучину.

– Осторожно, Антон Маркович!

¹⁸ Мафусаил, дед Ноя, прожил почти тысячу лет. Умер он перед самым потопом, начало которого Вышней волей было отсрочено на неделю – ради траура по патриарху. «После нас хоть потоп» (*франц.* «Après nous le deluge») – сказано маркизой де Помпадур в утешение Людовику XV, проигравшему битву при Росбахе.

– Не извольте беспокоиться, милостивый государь мой! – Глазки старика задорно блеснули. – Не впервой!

Яркая вспышка озарила лабораторию. Порошок сгорел с легким хлопком, энергичнее, нежели горела бы аналогичная порция пороха. Зато дыма образовалось гораздо меньше.

– А вот так горит трехдневный...

Комковатый порошок злобно зашипел, стреляя искрами, и наконец вспыхнул. Эффект не шел ни в какое сравнение с начальной пробой. «Размазня» же гореть отказалась наотрез.

– Что скажете? В моем подвале сухо, образцы хранились в закрытых склянках. И тем не менее...

– Скажу, что в таком виде ксилоидин непригоден ни в качестве горной взрывчатки, ни для вашего иллюзиона. Возможно, причина повышенной гигроскопичности – в содержащихся примесях. Тут я вижу два пути решения проблемы. Первый: получить как можно более чистый препарат. И второй: напротив, значительно увеличить количество примесей. Фактически создать новый состав на основе ксилоидина.

– И какой из этих способов, по-вашему, более прост?

– Запачкать всегда легче, чем очистить, – датчанин усмехнулся. – Дайте-ка подумать...

Он прошелся по лаборатории. От движения воздуха пламя свечей заколебалось. По стенам метнулись тени – словно из небытия, желая помочь опытам, явилась целая свора призраков с дипломами. Когда Эрстед, задумавшись, сунулся в мастерскую, с высокого табурета орлом взлетел расторопный Никита, ожидая распоряжений. Но Гамулецкий из-за спины гостя махнул слуге рукой:

«Ничего не надо, сиди и жди!»

Сразу же фокусник замер вновь, сделавшись тише мыши. Недавняя шумная оживленность сгинула без следа. Ученый *варяг* пытается решить проблему? Отлично-с! Не будем мешать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.